

СМЕНА

13-14

СМЕНА

...На освобожденной Кубани идет массовая уборка урожая. Чугунная уродилась выжег пшеница! Выше человеческого роста поднялись золотые хлеба.

На освобожденной Кубани кипит жаркая работа. День и ночь, не уходя, работают тракторы, комбайны. Но враг еще не окончательно нагнал с кубанской земли. Немешкие самолеты могут внезапно совершить налет на поле. Пусть поробуют! Огнем и металлом встретят их советские летчики, охраняющие хлеба Кубани.

...Вся страна отмечает десятилетие Северного авиационного флота — десятилетия наших поларных морей.

За два года военных действий североморские потопили 284 немецко-фашистских корабля и транспортов, сбили и уничтожили в воздухе и на земле более семидесяти вражеских самолетов, истребили десятки тысяч тыловых солдат и офицеров.

На наших снимках изображили один из старейших истребителей Северного флота — торпедист Исаию академича главстаршина И. М. Холма (в центре). В Северном Флоте он служит со дня его основания, т. е. ровно десять лет.

...Сюжет маршевых концертов Союза ССР приступил Сталинскую версию первой ступени профессору Л. К. Ракину за создание конструкции прямоугольного котла.

Но строительство с обычными котлами, так называемого барабанного типа, новый котел обладает рядом существенных преимуществ: он не требует тяжелых опорных стоек и выгородки баранов, котел Ракина в два раза легче барабанного котла обычного конструкции. Он высок, экономичен и имеет много других преимуществ.

Нот как выглядит прямоугольный котел Ракина — один из крупнейших достижений советской техники.

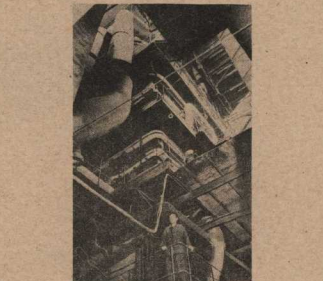
...Молодой летчик-истребитель комсомолец К. Михайлов вступил в первое боевое крещение. В первом же воздушном сражении на Кубани К. Михайлов, караваном летев, боевым счетом вывел из строя и вывел сбитым самолет противника в воздушном бою. Командир экипажа лейтенант Смирнов стал впереди. Благодаря смелости и мужеству, он помог экипажу выжить на высоте своей трудной.

...Красная Армия, преодолевая упорное сопротивление противника, продолжает наступление.

В июле этого месяца, сосредоточив на узком участке фронта, в районе Орла и Белгорода, огромные силы танков и пехоты, поддержанные многочисленными авиацией, предприняла решительное наступление против вражеских войск. Планы немецкого командования потерпели крах. 23 июля, как сказано в приказе Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, наступление наших войск окончательно ликвидировало польские и немецкие наступления. Тем самым, — указывает товарищ Сталин, — разоблачена лживость и то, что немецкий диктатор в наступлении не имеет никаких успехов, а советские войска вынуждены было бы находиться в отступлении. В августе Москва салютовала доблестным советским войскам за смелую освобождения ими Орла и Белгорода. Красная Армия, отразив попытки противника прорваться к Курску, сама вернулась в наступление.

Наша армия идет вперед, на запад, наносит оккупантам огромные потери. Сколько падает подкалам гитлеровцы на свои брошенные чудачки! Но не смотрите: вот во что превращает Красная Армия хваленые немецкие стирпы и «фершпаннлы».

...Сюжет маршевых концертов Союза ССР приступил Сталинскую версию первой ступени профессору Л. К. Ракину за создание конструкции прямоугольного котла.

Но строительство с обычными котлами, так называемого барабанного типа, новый котел обладает рядом существенных преимуществ: он не требует тяжелых опорных стоек и выгородки баранов, котел Ракина в два раза легче барабанного котла обычного конструкции. Он высок, экономичен и имеет много других преимуществ.

Нот как выглядит прямоугольный котел Ракина — один из крупнейших достижений советской техники.

...Трагедия привнесла в жизнь наших соотечественников переживания на далеком отдаленном острове Синдзио. Выпало славных воинов на острове предпринял действиями гитлеровцев, инициатива самоотверженной героической борьбы. Инициатор, организатор и активный организатор английские отряды специального назначения.

РАССКАЗЫВАЕТ

...Уральцы прислали полугодичный рапорт Маршалу Советского Союза товарищу Сталину, Трудинскому Советскому Члену Президиума и другим областям помянув войска, что в 1943 году они дадут вооружения и боеприпасов вышесказанного качества в два раза больше, чем в 1942 году. Слово уральцев — крепкое слово!

Рапорт принесла 1502 037 человек. На снимке вы видите доклад на подготовку миллиона авторов письма — комсомолец Красносельский бригады Уралвагонзавода Григорий Коваленко. Свое объяснение они подкрепляют самоотверженным трудом для фронта, для победы над врагом.

...В честь Дня Военно-Морского флота центральной авиацией фронтовой авиации и авиации военного назначения пролетели «Морская Луна», Прелесь, показавшая о Миссии и центральном зале имени Чкалова, пришла с большим успехом.

...За отвагу и мужество в боях с немцами авиационными Прелесью Норвежского Союза СССР маршала Прелесью Отечественной войны старшему офицера французской авиации «Нормандия», сражавшихся на советско-германском фронте, отдала истребительная авиация «Нормандия».

...Молодой летчик-истребитель комсомолец К. Михайлов вступил в первое боевое крещение. В первом же воздушном сражении на Кубани К. Михайлов, караваном летев, боевым счетом вывел из строя и вывел сбитым самолет противника в воздушном бою. Командир экипажа лейтенант Смирнов стал впереди. Благодаря смелости и мужеству, он помог экипажу выжить на высоте своей трудной.

...Трагедия привнесла в жизнь наших соотечественников переживания на далеком отдаленном острове Синдзио. Выпало славных воинов на острове предпринял действиями гитлеровцев, инициатива самоотверженной героической борьбы. Инициатор, организатор и активный организатор английские отряды специального назначения.

На снимке награжденный советскими орденами французские летчик — командир эскадрильи Норманский майор Жан Луи Голье (справа) и лейтенант Альберт Дюран.

Передовая — **МЫ ЖИВЕМ И ВОЮЕМ ПО СТАЛИНУ**, В. Шолоховый — **ГОВОР И ЛЕСУ**, В. Гавров — **ЗЕМЛЯ** (стихи), И. Бравина — **ТРУД**, К. И. — **ПИСЬМА ИЗ СТАВРОПОЛЯ**, Ю. Левитский — **ЮК-НЕЕ**, ОЗЕРА ИЛДЕНЬ (стихи), ПУЗЯ СТОИЛА (стихи), **МЫ СЛУША-**

Содержание:
 ЛИ, **МЫ ЧИТАЛИ СТАЛИНУ**, Ю. Сербин — **ТЫ ИЗ ПРАВДЫ**, **ТЫ ИЗ СЛУЖИВЫХ**, Анастас 46 — **ГОД МОЕЙ МЕ-**
СТЕ (является комсомольского работника в этом враге), К. Писевский — **МЫ СЛУ-**
ШАЛИ, Чубовская — **ДЕВЯТЬ БРАТЬ-**
ЕВ (первое издание), **Благодарим**
 3. Коркина — **РУССКАЯ НАТУРА**, М. Сав-
 домирский — **ПУГОНИЦА**.

На 1-й стр. обложки — **Фотоотзыв**
 С. Мандель «ФИННИИ», На 2-й стр.
 обложки — «**СМЕНА**» — **РАССКАЗЫВАЕТ**.
 На 3-й стр. обложки — **НА ВОЙНЕ**
КСТАТИ О ТОЧКЕ НА КАРТЕ, **КРИ-**
СКОЕ — **МИКОЛАДАНУ**, **ГОВОРЯТ**.
 На 4-й стр. обложки — **Полонез**
 М. Лопатинский — **БАГИНИК**.

МЫ ЖИВЕМ И ВОЮЕМ ПО СТАЛИНУ

Мы помни веры в гений нашего вождя и полководца товарища Сталина. Молодежь нашей страны знает непреклонную волю товарища Сталина, его могучую руку организатора, его светлый ум стратега, его талант блестящего тактика.

Мы живем и говорим по Сталину. Поэтому книга товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» стала настольной книгой нашей.

В словах Сталина мы черпем великое и прекрасное вдохновение в войны, труда, жизни. Наша вера в Сталина есть вера в грядущую победу.

Сталин — великий человек, стоящий на грешной soil. Сталин всегда умает предвидеть. Сталин ничего не скрывает от своего народа. Сталин говорит правду, как бы сурова она ни была.

Знавшие враги нашего народа — немцы — пытались представить нас «большевистскими фантазмами». Нет, мы правдолюбцы и правдолюбцы. Мы те, кто знают цену только реальным делам на благо народное, цену жертв, принесенных на алтарь своего отечества.

Сталин создавал государство, в котором светлым и радостным был наш завтрашний день, в котором мы жили свободно и счастливо. Он оставлял это государство в очи гражданской войны. Это опеня Ленин, это опеня весь наш народ, наградив Сталина орденом Красного знамени.

«В минуту смертельной опасности...» — говорится в решении ВЦИК — когда, окружаясь на всех сторон гнетным колымом врагов, Советская власть отражала удары неприятели, в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революции в июле 1919 года поступали в Красной Горке, в этот тяжелейший для Советской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович Сталин своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить ардоуливые ряды Красной Армии, Буачуи сам в районе боевой линии, он под боевыми огнем лучшим примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику».

Он выиграл битву.

«Качества, обнаруженные Сталиным в драматических обстоятельствах гражданской войны...» — говорит Адам Барбос — насколько не были неожиданными для тех, кто знал этого человека. Он только применил в новой

сфере деятельности свои личные данные: точность взгляда, умение сразу схватывать решающие пункты каждой конкретной ситуации, понимание подлинных причин и неизбежных последствий любого факта, понимание связей этого факта со всем процессом, отвращение к беспорядку и путанице, негибкое упорство в деле подготовки и создания всех условий, необходимых для достижения поставленной цели, ра же эта цель обуслована и определена. Всё это — не что иное, как истинный марксизм, перенесенный на поля сражения».

В те бурные годы Красная Армия только рождалась — Сталин вместе с Лениным стоял у ее колыбели. И с этого дня Красная Армия приобрела в лице товарища Сталина беспримерного полководца и стратега.

Воины и офицеры глубоко любят своего Первого Маршала и с его именем идут в бой. Они знают: именно Сталин привнес на поле боя всеобъемлющую военную науку большевизма. Именно он точно и лаконично определял задачу стратегии:

«План стратегии — это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов...»

«Иначе говоря: определить направление основного удара — это значит предсказать характер операции на весь период войны, предсказать, стало быть, на «¹/₄ судьбу всей войны. В этом задача стратегии».

Когда после годов войны и разрухи из руин возрождались с чистой жизни родина, — тогда прозвучали новые, ещё непонятные многим слова — «индустриализация» и «коллективизация». Их произнес Сталин, великий адмирал-ветеран, великий пятилеток.

Его волею и подвигом народа преобразилась страна; и автомобили перестали у нас быть заморскими, и русский крестьянин, севший руль советского трактора, обрел в колхозе своё счастье.

Но вот в синей игольничке лет 1941 года немецкие фашисты вероломно напали на нашу страну. Мы сменили станок и книгу на винтовку, и Сталин сказал нам, что мы должны делать, чтобы победить врага.

«Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране,

и отрезались от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неутомим... Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, незаметный походы врагу».

Так говорил Сталин. Мы делали то, чему учил нас вождь, и мы стали побеждать.

Это пришло не сразу: немец был опытным и сильным врагом. Он теснил нас. Но Сталин открыл народу причины наших временных неудач. Он доказал, что момент неслучайности — это только привходящий фактор, что закон войны победит обеспечит тому, у кого выше будет моральный дух армии, у кого прочнее будет тыл, у кого сильнее будут командные кадры, у кого больше будет выдержки и стойкости.

Мы стали воевать уверенно, вдохновенно, умело.

И тогда Сталин предсказал нам успехи в войне.

Они не замедлили прийти. Красная Армия разбав немцев под Москвой и Ростовом, выгнала их из Украины и оставила под Ленинградом, выиграла невиданно в истории войны сражение у Сталинграда, разгромила отборные силы врага под Белгородом и Орлом. Немцам пришлось покинуть свои монополии на лето как на время военных ударов Германии.

Почти двадцать пять лет назад, вместе с Лениным создавая Коммунистический союз молодежи, Сталин мечтал о том, что вырастает юноши и девушки, которые будут достойны своей гордой и жестокой судьбы воинов против насилия и зла. Он знал: в очне родится молодое племя победителей.

Мы — молодые бойцы, офицеры, рабочие, колхозники, инженеры — и есть это племя. Будем же достойны своей миссии и своей судьбы!

Сбудется вешее слово Сталина — и наступит день победы!

Он будет триумфом гения нашего вождя и торжеством воли Сталина в благородство каждого из нас!

РАЗЫВ В ЛЕСУ

Виктор Шкловский

Рисунок В. Горлева

ИНСПЕКТОРСКОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Лес был перестойный. Едва начал уже свистать, но пошелна войну. Время уже разредело насаждения, но кроны деревьев раскинулись широко, и сверху лес, вероятно, был непроницаем. Люди лежали под план-палатками, помещенными на циновки, в тесных ковертах, на носилках. Здесь сортировали раненых и лежали легко раненых, которых можно было не отправлять в тыл. Надо было с огнем, потому что редко бывает огонь без дыма. Между тем пошла дождь, и хворост отсырел, а сверху летали самолеты.

Старый дивизионный врач, которого производил инспектор пункта, собрался ехать на лошади, чтобы уехать, но дорогу боялись.

Врачи пункта — молодежь. Дивизионный врач — человек с старинским именем, знаменитый теоретик, человек дерзкого, но невольного рабства, ученик и, может быть, соперник академика Павлова.

Для врачей он был прежде своего профессора. Этот уютный, пушистый на лежанке, любящий хорошо спать, умеющий выпить человека устроил в госпитале приборку за то, что было плохо вышло.

Ему так нравились, когда он приехал. Он лезть в котелки, провирал белки и говорил как начальник. Сейчас он устал. Все знали, что старый профессор смея, его не удержит бомбардировка.

Старик — так его звали из уважения, хотя он и в самом деле был стариком, — поставил ногу в стремя. Сидел на коня он почти неслышно. Но сейчас он задержался, и старый мерин, оставаясь ухом вперед, покосился на профессора изумленно.

— Подожду, — сказал профессор.

ПРОФЕССОР ПРОВОДИТ БЕСЕДУ

— Ну, значит, деловая часть окончена. О чем бы поговорить с вами, товарищи? Давайте и расскажем вам про Ивана Петровича Павлова — моего учителя. Великий это был человек, и замечательный из него вышел бы командующий фронтом. Держал он нас в руках так, что если пошла на ступь, то без дела у него со ступи не сойдешь. Он меня раз поставил следить за одной собакой. Надо было наблюдать движения челюсти собаки какжде записывать минут. И я слав пошел на полку, подползти позволю под полку, в боях проспать, боялся, что волено окажется уже очень мяжком.

Иван Петрович меня любил, может быть, за то, что я дружил с его сыном. Спрашивал этот человек ужал до дружбы. А может быть, любил он меня еще и за то, что коня я держал, в время было труднее, при ишем виступил развел орудия, и требовал Иван Петрович, чтобы все коня хорошо, и хороших отродольков называли словами и устами институту. Ну, я расхвастался.

— Служило бы, как бомбит дорогу.

— Жалть правается, — сказал профессор, — Сидем-ка к раненым, им тоже интересно, что вы там говорите.

Сидим вот, товарищи. Было это совсем недавно — шест лет тому назад. Умер у Ивана Петровича сын в Ленинграде, умер от рака. Меня

послали к нему, чтобы побывал я в академиком. А он не знал, что делать, как утешать такого человека. Он — большой, всё сам решит. Скажете ему, а он оборвет, и будет ему еще труднее.

Вот приехал я к нему в Колтуши, там стоял такое беспамятное лето. В колтуши двое две обезьяны живут: Рафаэль и Роза. Тесно неприятно, похожи на человека, но как будто человек опустел, провалился, ступь потерял и еще этим хвастается, а ноги без пальца, и пальцы на ногах дряхлые.

— Приехав я утром, пришел к Павлову, был уже очень глубокой, вот как сейчас, осень. На рибине отомы тиннокрасные, лес свозит, а сосны выделались.

— Купаться! — сказал Иван Петрович. — Купаться пойдем, — и велел дать мне простомо. Идем под гору. Иван Петрович хромает: у него нога была сломана. Я понимаю, что он думает. Думает он, что надо купаться, надо попытаться восстановить ту бодрость, которую давал холодная вода и треск мохнатой промышленности. Надо не нарушить своей жизни, не цепляться за старые привычки, потому что старые привычки рожают прежние отгазки, — им их, ведь, рефлексами. Можно учиться в жизни, как в ручьи трамвая, и она утешит тебя, как трамвай, а потом а ней, в жизнь, везешь.

Купаться мажонкая, так — казарики воды. Засел, доплатил перепрода, на воде осенней лист. Лада нет, а купаться не хочется.

Иван Петрович разделся. Своюию сошил в воду, помочил холодной водой под ложечку, и вынул вынул волосы, мыл ир и знакомым прозвонком выпал в озеро.

Побоялся я за нем. Плыву по-лузачкам, брасом, тоже лямешего кроля я не понимаю. Поплавая, вылезли. Действительно хорошо. Обтресался, простынем. И так же, вылезла ибья боровазела, и он загоровал о горе.

— Когда сын мой родился. Охтенского моста еще не было, а Троицкий был деревянный, а мосты еще не считали, и в то время, когда дел тогда в кабинете, писал. Жена родила двою. Прибежал товарищ, сказал: «Сын родился, и какая у него копоть. А я идул и не заметил, что лямка котит и петрелый а лямке толпа выгорел. Петрелой толпа, хорошой мой, еще керосином не заал, возли в дистерях, и на каждой истерие было есье ним, как иначе на пароквах, только имела была свещнице: Буда, Магомет, Кофунция, — а истерия с имени Христа полиция не разрешила. Былаю, нулг такие истерия, их велел пароквах дашивый с время. А сын через окошко читает назывался... Теперь сын мёртвый

Лесу все иное, вот останемся, как сосны в тепле, а все деревья без листьев, а сосна буд дел жила, а все холодно, и нового много не помчал, и у мен угнетено. Листья не...

Влава боилась, выдал отвечал зенитки. Молодежь слушала старика-профессора, понимая, что это он их утешит, не хочет уехать в со...

— Вот пошла мы, товарищи, к обезьянам. Рафаэль сидит, рассматривает самую глупую шляпку, он так любит её топить. Чинится Рафаэль, выругался истон, и слышны, что сосредоточиться не может, торжествует нет.

Смотрит Иван Петрович на горюит: — Какая прекрасная хаотическая молодежь жид!

И у него на глазах слезы.

Пошла, на плечах у нас простыли тяжкие.

— Рак, — говорит Иван Петрович, — Разрастание в организме отдельные клетки клетчат-паразиты, клетчат-осласты, — и гибнет человек. Так народы и государства, потерявшие разум, хотя и вытесняют друг друга, они говорят, что это роз организм, но это рост рака.

Значит, Иван Петрович всё время думает о сине. Вижу я, что он идет а гавесте помеще. На вешале моего пальто, котелки: иностранцы приехали, будут выражать соболезнования.

Входит Иван Петрович, дверь открывает, там было девять. Он сам был, как заведующий,

никогда не озадачивал. В дождливый часом всегда вытаскивал из кармана часы и вздрагивал. Это потому, что читал он всю жизнь в Ленинграде в военно-медицинской академии лекции, а на Петропавловской крепости ридом пушка в полдень била. Большое значение имеют, товарищи, привычки. На это вышней порядок точн. Привычки всё исполняют до конца так, чтобы это уже было вне сознания, чтобы привычка была деражала, чтобы вытеснила свои страхи.

ПРОФЕССОР ПО СТАРОМУ ОБЫЧАЮ ВВОДИТ В БЕСЕДУ АНЕКДОТ

— Как же это может, товарищ доктор, в бою привычка — спросил доктор.

— А вот как. Случался в осеннем врачом на крейсере. И вот что у нас рассказывали, это ещё про старые время, когда корабли ходили на парусах... Засиделся боцман в дулку: «Все назавтра» — и какая бы ни была буря, леуат матросы на матчи. Корабль качал, реи за волны щелкают, может быть, а они там заперу потому, что привык.

Так вот что рассказывали. Потонул раз военный корабль под Севастополем... Вот потонул фрегат, а боцман был на том фрегате праведный и прямо из воды попал в рай. А матросы были пьяными, и прямо их лущил на воды а да поплыл...

Сидит боцман а разо дое — хорошо, даа — хорошо. На третий день скучно без команды. Докладывает он об этом керуиму, тот дождь сарафану — так пошло по команде к богу, что мол, боцман пролет команду к себе.

И выш идет резолюция: никак нельзя, потому что команда уже получила своё назначение: кто на вертеле сидит, кто а смольном озере, и вообще всякий получает своё удовольствие. Звать хлопот боцман — поплыл отсюда. Вылез он тогда из рая через забор — для матроса это немалое — вылез и а д. Подает доносное главному шорту: выпустите, мол, команду.

Полный откат.

Тогда рассердился боцман, вынул дудку и прояснил сигнал: «Все задерж!» И тут команда — кто из смольи, кто а вертеле, кто из озенного озера — разом все намерь, и все охсты а форме. Собрал их боцман, и пошел они, куда надо. Дело простое — условный рефлекс. Понимает?

Забывю, но поинто, — сказал разный.

— Так вот, слушайте дальше. Иван Петрович никогда не озадачивал...

РАССКАЗ О САМОМ ГЛАВНОМ

Вот был чаше, выходит Иван Петрович, страдает, закидывает голову с сухими седыми волосами, кланет на стол предсе старые часы кулачки, и я слыше крупные маяжеты шую его сухие и сильные руки.

ЗЕМЛЯКИ

В. Готов

Целной, перед закатом,
По пути, издалека,
Шли на запад два солдата,
Два бойца-сибиряка.

Шли и думали о жёнах,
Про былые времена.
На плечах бойцов — погоды,
На мундирах — ордена.

По пригорку, как по крыше,
Шли смоленской стороной,
Был один из них пошнее,
Коренастее другой.

На руках несли шинели,
Вдурт один сказал:
— Пора!
Развели огонь, присели
Возле речки, у костра.

А над речкой взмыла туча
За асса, за небосклон;
Бор зелёный и пахучий
Возвышался с двух сторон.

И, казалось, всё знакомо:
Этот бор и этот скат.
И сидят бойцы, как дома,
Варят кашу, говорят.

Чем, мол, жизнь плохая наша?
Где приткнётся, — там и дом.
Был бы хлеб, был бы кабан,
А полагать всегда надобно.

Спать в лесу наль на равнине,
Воздух чистый — богатая,
Медь, солончаки на берне
Абсолютно вредно спать.

Важно, ноги бы носили,
Не отстать бы от людей.

— Как зовут тебя?
— Василья.
— А тебя?
— Меня Андрей.

Он поправил чуть погоны
И, улыбки не так,
— Ты того же ведь района,
Из которого и я.

Нам бы на одну работу,
Иль в сапёры наль в сиренки,
Мол, железяк вместе в роту,
Понимашь, земляки.

И сражались, скажем, вместе,
И поправляли от ран,
Не уроним нашей чести,
Мол, товарищ капитан.

Так и быть, поднимем слово,
Было б дело нахому...
Я, брат, воевал у Пскова
В восемнадцатом году.

Крепко немцев мы шерстили,
Мало кто от нас удрал.
Ну, а ты где был, Василья,
С кем, дружище, воевал?

Тот привинулся немножко,
Рукавом протёр глаза,
Заготовил козью ножку,
Прикурил, потом сказал:

— Я на юге начал биться,
И на Волге в те года
В грозowych бокх Царьины
Отстоял мы тогда.

Нахому учились, сами,
Не шалили в саватках сил...
Темн трудными боими
Сталин сам руководил.

Помню, мы в колмах синели
Перед боем, у села,
Он привнёс в простую шинель

И спросил нас:
— Как дела?

— Ничего. Встаю. — Спардов
Маловато вот у нас,
У врагов занять бы надо,
Заночмайте, и согласен...

Улыбнулся он мол, ясен
Мне вопрос, как тринет бой,
Заночмайте, и согласен...
И ушёл от нас тропой.

А потом, даю вот слово,
Хочешь верить, а хочь не верь,
С ним я повстречался снова
На войне, уже теперь.

Шли бои тогда за Нару
И, воюя той зимой,
Мы готовились к удару,
К наступлению под Москвою.

Перед нами лес, равнина —
Наша русская земля.
Вдурт подыхала машина,
Да откуда? Из Кремля.

Вышел он и просто разом
Сел, как ты сидишь сейчас:
— Ну, хатает ли спардов?
Говори: — Тесерь засап.

В доброй, новенькой шинели,
В шапке, больше ничего.
Только волосы: поседел
В битвах волосу его.

...Ночь промля. И спозаранку
Зашумел зелёный бор.
Везде речки, на полянке,
Тако догорела костёр.

И ольга пошла по скату,
По излучине реки
Два героя, два солдата,
Земляки — сибиряки.

Действующая армия

Кочкаря бой насос.

Господа, — сказала Павлов. — Смы мой умер. Он умер от рака. Мой дед в Рязани тоже умер от рака. Это основные причины, что predisposition к этому заболеванию передаётся по наследству.

Говорит Иван Петрович, и голос у него с отзвуком, не так, как обыкновенно он говорит. Трудно ему. И вдурт он сердится и так продолжает, глядя прямо на немца, который смотрит на Ивана Петровича с любознательным сожалением.

— Милостивые государи мои, — сказала Павлов, — у наших соседей — немцев — существует сейчас теория о том, что можно бороться с болезнями, имея права наследия, давая тот, что солдаты. Так вот, милостивые государи мои, а старину предполагали, что средства дорогие и средства отравительные особенно помогают от болезни. Предполагали бороться такими способами с сифилисом, с эпилепсией, так думают прервать даже жизнь рас, которые авторам системы не нравятся. Но теория эта не учитывает сложности жизни. Человек — это не лабораторная собака, у которой все рефлексы подчинены одному. Стоимость человека, дорогие колледжи, трудно подсчитать. Я, не будучи сам больным, передаю predisposition к ужасной болезни от деду к сыну, и вот, по теории соседей наших, по немецкой теории, я не должен был родиться.

Тут Иван Петрович встал, улыбаясь тихо и продолжал.

— Дорогие коллеги, я никогда не повторю никаких слов, и меня слушали. Будем считать доказанным, что я имел право родиться. И из-за мой такой, что без него миру не прожить.

Сел Иван Петрович.

— Остаются различные способы изменить жизнь. Ведь мы видим, что эта теория ложная, что она неправильно отсеивает, неправильно

отбирает. Поэтому должна быть иная наука. Её создавала Сеченов, Мечников. Мы кое-что сделали и здесь и на Песочной улице, в Ленинграде. Смелость иметь сказать, что русская на-

принённых к этому сильному, вперёд отмирающему человеку-паразиту. Сильно было, как недалеко боибат доктору. Профессор встал, лёгкой походкой, небрежно

ука, в которой свободное участие принимают и другие народы, создаёт теорно истину. Надо работать для того, чтобы окончательно объединить человечество на рациональных основаниях и сделать его счастливым.

Иван Петрович помолчал и сказал тихонько: — Счастья! Если не мой, так других счастье. Мой сын умер, но заатрешнее заседание состоится, как обыкновенно.

А им сидели, товарищи, и слушали так, как слушают командующего фронтом, и им музтавовали, товарищи, что мы едем в вагозах,

стывая по осенней траве, подошёл он к своей лошади и оленьи дождевиком оказался в седле.

— Профессор, доктору боибать, — сказала молодая докторша.

— Я поеду сторовкой, — ответил профессор. — Так не забывайте, друзья мои: одобрительность, создание лявков и крутозоров. Надо всё видеть, раскшнуть крылья, и наука подержит вас, как воздух поддерживает крыло.

Он тронул коня и быстро уехал. Сидел в седле он прямо, молодо, гордись уменем.

Трубка

И. Бразнин

Рис. О. Берёского

— Э, какие так особые хитрости в воздухе! — сердадо проворчал Шаров, вышибая о стол трубку. — Всё это греческие мифы. Что ты мне толкуешь — подрастает, подрастает! Как это можно подрастает, когда мотор у тебя гудит мало не на десять километров...

Шаров в сердцах так треснул трубкой по столу, что половина черенка осталась у него в руке, а другая половина вместе с бурой чашечкой трубки отлетела в угол хаты.

— Ну вот, — усмехнулся Лихов, — даже трубка твоего образца не выдерживает. А каково мне с тобой жить вместе, да ещё летать!

Он нагнулся за обломком трубки и положил его на стол. Шаров принялся угрюмо вертеть обломок в руках. Черенок был сломав пополам. Шаров неодобрительно покачал головой. Вглядев его устал на лежащий возле песельники длинный мундштук Лихова. Он взял его, повертел меж пальцев, сузил в рот, прогуд; потом сузил в рот и прогуд обломок трубчатого черенка, посмотрел сквозь них на свет, снова сузил их вместе в рот и прогуд. Черенок выскочил при этом тоненькую, исклявую вету, а мундштук прохлтел крипило и басовито.

Лихов поднял голову и прислушался. В открытое окно хаты ударил с воя неровный и отдаённый гул моторов.

— «Онkers», — сказал Лихов, всё ещё внимательно прислушиваясь, и вдруг с живостью обернулся к Шарову: — А нука, поведи опять в два сразу.

Но Шаров уже бросил и трубку и мундштук и, высушившись из окна, закричал:

— Эте! Вон наши истребители на перехват «онкерсу» поднимаются!

Лихов ничего не ответил и принялся медленно раскачивать по хате. Поздно вечером, укладываться спать, он сказал Шарову:

— А насчёт того, можно ли лет подрастать, и вообще насчёт хитрости миф с тобой ладных потюкаем. У меня тут идея одна родилась.

— Это—той же личное дело—проворачай Шаров, скрипя кроватю. — И вообще сделай одолжение — помочи часова да пяти утра. А там, пожалуй, можешь себе развзвать какке угодно идеяи.

Он дозорал ещё с минуту, покрятел и затих. Вскоре по хате разнёсся его значный храл, меж тем как Лихов долго ещё что-то ворчал себе под нос и заснул только за полночь.

— Легим. — сказал назавтра Лихов, встретив Шарова на аэродроме. — Есть задание.

— Давай, давай, — тотчас отозвался Шаров, похмыкая трубкой с долово приделанным к ней мундштуком Лихова.

— А трубка-то получилась неударная, — сказал Лихов.

— По Сельке и напаша.

— Не очно по Сельке. Подарил бы лучше мне.

— Вот тогда уже будет совсем не очно. Когда вылетает?

— В своё время.

Они вылетели сразу после выступления тематическим с заданием бомбить вражеский аэродром.

— Что-то рано мы сегодня поднимаемся, — заметил перед отлётом стрелок радист.

— Я сам не очно понимаю, к чему бы это, — ответил Шаров, восторженно поглядывая на командира экипажа.

— По местам! — скомандовал Лихов, делая вид, что не слышит Шарова.

Спустя минуту двухмоторный бомбардировщик плавно отделился от земли и нырнул в туму. Вечер был хмур, и самолёт был невидим в мутной чаше неба.

«Эх, кабы ещё бесшумные моторы изобрести!» — подумал вдруг Шаров, поубоиве устраиваясь на своём турманском месте, и в то же время с удовольствием прислушался к ровному рокоту моторов.

«Как жаска работуют», — подумал он, одобрително кивнув головой. Она любила слово «бронетку» (так звал он свою тёмную окраску машины) и отыскивал о ней всякие одобрително, как о живом человеке, который владеет своё дело ладно и споро и которого вообще не в чем уверкнуть. Лино его озиралось улыбакой, той особой улыбакой, которую някля, крме его «бронетки», някогда не выдал.

На этот раз, однако, улыбка долго не прдержалась и, едва появившись, тотчас сбежала с его лица в ровный гул моторов ворвалась режущая слух разголосои. Спитивное уло Шарова тотчас уловило разбой в работе моторов.

— В чём дело? — закричал он обеспокоенно в даринговое. — Почему ты поставил левый винт на малый шаг!

— Всё в порядке, — ответил спокойный голос Лихова, — следя за землей. Представление начнется.

И представление началось, представление, которого Шаров за всё своё дести семидесяти вылетов ни разу видеть не приходилось. Он прыгк к тому, что немцы встречают его белыми ножами прожекторов и оранжево-бурыми комьями зенитных разрывов, но встреча, оказавшая ему немцам на этот раз, повзрала его.

Едва они вышли к вражескому аэродрому и развернулись над ним, как внизу зажегся ночной старт. Вслед за тем в воздух взвились посадочные ракеты. Немцы явно приглашались сесть.

— Ну что ж, благодарим за приглашение, — проворчал Шаров. — Но убо меня гром, есси я хоть что-нибудь во всё этоу поймаю!

При свете посадочных ракет чётко выпертались силуэты стоящих на аэродроме машин. Цель была отлично видна, и Шаров, вавра слусовой рыж, сбросил первые бомбы.

После первого же взрыва старт мгновенно потух, но теперь в немоком освещенная не было уже надобности; при следующем заходе лёгкое поже отлично освещалось вызванным взрывами пожаром. Иля уже обратным курсом, Шаров насчитал восемь пылающих на земле самолётов: В то же мгновение убо его машинало уловало, что раздражающая разголосои в работе мотора исчезла. Оба мотора работали равномерно, на одних оборотах.

— Эй ты, фокусник! — одакнула о Лихова. — Что это за шумки?

— Это — моё личное дело, — отозвался Лихов. — И вообще сделай одолжение — помочи часова да пяти утра.

Шаров засмеялся. Он уже отлично разобрался в фокусах Лихова и едва не протасывал на месте. Он был горд, горд за своего дружка. — Валь вое, помд ж ты, голозан какой! Валь все и до него знали, что «онкерс» излетит в пожеэ этот характерный, прорывистый звук, а он один до чего додумался! И что же получилось: немцы понались на удочку Лихова.

Он с нежностью оглядел друга и весь взмог по возвращении домой не отходил от него.

— Ну, как тебе понравился оказанный мне приём? — спросил за ужином Лихов.

— Оценил — воскликнул Шаров. — Всё балс сделалю превосходно, — он чиркнул спичкой и, раскуривая трубку, спросил: — И как это ты додумался, чорт тебя возьми? Как тебе это в голову влезло?

— В этом есть и твои заслуги, но главным образом твоя трубка.

— Трубка? — воскликнул Шаров, выпуская прямо в лицо Лихову густой клуб дыма.

— Вот именно, — кивнул Лихов, — трубка. Поминишь ты вчерашню дискуссию о хитростях в воздухе и о том, можно ли подрастать к прогиванию или нет. Спор, так сказать, возбуждал живую мысль, а конкретная находка соизрела меня, когда ты свистел в два горла: в мундштук и в черенок соломинной трубки. Свист-то вышел двойной, а два разных голоса.

Лихов засмеялся и правили, отпавая медленными глотками чай:

— Видишь, как някогда полезно ломать трубки.

— Ещё полезней чинить,— буркнул Шаров.

Лихов, смеясь, поднялся с места и стал укладываться спать. Шаров остался сидеть у стола и полончи возился с трубкой и перочинным ножом. Он лёг поздно и ещё спал сладким сном, когда Лихов проснулся. Первое, что увидел Лихов, открыл глаза, была трубка, лежащая у его изголовья. Лихов улыбнулся и, выпростав из-под одеяла руку, взял трубку. Глазкая чашечка её была покрыта шероховатостями. Лихов поднёс трубку к глазам. На тёмном блгородно-твёрдом теле её были старательно вырезаны ножом силуэты самолётов. Их было восемь.

Письма из Ставрополя

Ю. Филонович

1. НАШЕСТВИЕ ГУИНОВ

Чёрной тучей двигались немцы. В каубах пмаи мчалась на грузовиках пехота. С рычанием и лягом шли танки, самоходные орудия. А впереди вёсел в синем августовском небе с прерывающим воем летали бомбовозы. Они хитро кружились над городами и станицами Ставрополя, и в каждый раз, когда они появлялись, внизу рушилась дома, встала чёрная фонтаня земли, буживало пламя.

Сдерживая натиск врага, отходили последние части Красной Армии. Люди в тяжкой тоске смотрели им вслед и, понурясь, расходились по домам, готовясь встретить каждый у своего порога надвигающуюся беду.

Стампу край — Ставрополь — немцы бомбили почти весь день, с десяти утра до пяти вечера. Первые бомбы были сброшены на Нижнем базаре в августе тоду жецении. Когда же «ингерес» улетел и начал застрочная автоматы, все началось в город вступали немцы.

На улицу Левина въехал танк. Из него вылезли три немца. Они внимательно осматрелись, потом один из них закричал:

— Война — конец! Выходите! Не надо бояться германский солдат. В городе будет установлен порядок — новый порядок.

В этот момент порогу перебежала собака. Немец выстрелял в неё из пистолета и, довольный, захохотал.

* * *

Потонули дни, долги и путнее. Порой казалось, что время остановилось. С улицы доносились барабанный бой, топот и крики команды на чужом, аляющем языке.

«За левку — расстрел», «За немца — расстрел», «За немца — расстрел» — кричали чёрные буквы приказы немецкой комендантуры.

— Иначе нельзя, — объясняли немцы, — законы военного времени. Но не надо бояться, надо выслушать, и всё будет отлично.

Однажды утром во многих домах были получены повести. Семьям коммунистов, командиров Красной Армии, научным работникам, спорцам предлагалось явиться на сборный пункт, имея при себе не более тридцати килограммов ценных вещей. «Для отправки в места, менее населённые» — так, гласил приказ. Всех вызванных посадили в автомашины и увезли.

Гестаповцы ускакивали провожающих.

— Не волнуйтесь. Им будет там хорошо.

Студент Пётр Петриевский, рубивший в тот день дрова в лесу, видел, что сдвинулись немцы с этими людьми. В нескольких километрах от города их выслали, отобрали вещи и приказали снять с себя всю одежду. Потом разбили на группы и стали расстреливать всех — женщин, стариков, детей. Обманутые люди с криками металась по лесной поляне и падали, сконченные очередями из автоматов. Но это бы-

ЗДЕСЬ БЫЛИ НЕМЦЫ

Они сожгли все лучшие здания Пятигорска — школы, больницы, жилые дома; они оставили после себя руины и смерть.

Реплиции о мести камин — следы нашествия гуинов — немцев встали надпись — вот всё, что наши советские воины из станиц Невинномысск.

Сколько их, мирных советских жителей, обманутых и зверски расстрелянных немцами! В глубоких противотанковых рвах люди находят трупы близких, и сердце их наполняется жгидой мщенья.

до но всё. Часть обречённых ожидала ещё более страшная участь. Их загоняли по тридцати — сорок человек в особые, герметически закрывающиеся автомшины. Заводились моторы — и через несколько минут стихали крики несчастных, задушенных окисью углерода. Мёртвые тела сбрасывали в ямы, рыть которые гестаповцы заставляли мужчин из числа арестованных. Так в один день немцы умертвили четыре тысячи жителей Ставрополя.

Из Черкесска немцы вывезли и убили три тысячи человек, из Пятигорска — две тысячи восемьсот, из Ессентуков — около двух тысяч. И так во всем городе.

Людей, арестованных ночью, увозили далеко и убивали в страшных местах — «душегубках». Выстрелам не доносилось из заброшенного пещаного карьера под Георгиевском, из старых Пятигорских каменоломен их заглушала толща стел гестаповских камер. Сжатым хвостом людей пытали часами. Электрическим током жгли ступни ног, грезивали языки, скальпировали, выламывали пальцы, ломали руки, дробили череп. Выстрелов же слышно не было.

Они агали во всём. Обреченная горожанская жителям на гоадную смерть, они, кричали, что немецкие власти проявляют исключительную заботу о нуждах населения. В горях был объявлен разлук козачьего скота. В результате «раздела» более двух третей коров, лошадей, овец осталось у немцев, а скот горцев был обременен такими непомерными налогами, что держать его стадо совершенно невозможно.

Ещё больше агали немцы, когда речь заходила о положении на фронтах. Изю дня в день газетны, радио, плакаты твердили о победах германской армии и об уничтожении советских войск. Особоно усердствовала немецкая пропаганда среди нашей молодежи.

Восье ёе активной, жизнедеятельной силы, враги стремились именно в молодежи прежде всего, убить — всякую надежду на приходе Красной Армии, всякую способность к сопротивлению. Они поставили перед собой задачу — сделать советских молодых людей покорными, почитать их своему ваянию. Всё было пущено в ход, лишь бы достигнуть успеха и лицемерного зигнирования, и обман, и полку, и угрозы.

Нужно было повлиять на психологию молодежи видностью военной мощи Германии. Для этого годились и частые паравы, и демонстрации немецких военных фильмов, и ежедневное беспардонное вранье в газетах, и многие другие фальшивки.

Пуще огня страшнялись немцы массового ухода молодежи в партизанские отряды. С народными мистическими они боролись не только карательными экспедициями, но и всякими другими коварными методами.

В Черкесске немецкие жандармы привезли восемнадцатилетних пленных молодых партизан. После допроса в расстойно их выгнута на свободу. «Смирнит», — говорили гитлеровцы —

ны, — как милостиво к побежденным наше командование. Молодые люди заблуждались, но мы им всё прощаем. Скоро освободимся партизаны, исчезнут «стагидриды» — недобрые немцы. — Они опять ушли партизанить. И только немцы знали, что партизан, схваченных незаметно, по одному, расстреляли в подвалах гестапо.

Молодых людей гнали на тяжёлые принудительные работы. Под назором литовской охраны они тащили камни, чинили дороги, грузили ошелоно. Студентов заставляли мыть полы в казармах, молодых врачей и учителей — чистить конюшни.

С первых дней оккупации немцы широко применяли пытки, чтобы «исколотить истинную культуру и цивилизацию». В эти дни в Ставрополе они сжигали на кострах библиотеки институтов и школ. «Это большевистская пропаганда», — уверяла Гитлерова, бросая в огонь Гомель, Лутарж, Сервантес, Гейне, Пушкина, Толстого, Чехова. Костры вымалили во всех городах. Только в Молоде немцы жгли не жгли: они бросили их в Торек. Среднюю школу № 1 в Питгорове немцы превратили в колбасный цех, ставропольскую школу № 1 — в офицерский кафельняк.

Немцы уснащено старались морально разложить нашу молодёжь, но что бы то ни стало отделили её от борцов.

Но ставка Гитлеровских на молодёжь оказалась тщетной.

Молодёжь не удалось ни обмануть, ни запугать, ни обезоружить. Она ненавидела оккупантов и боролась с ними всеми возможными средствами.

Молодые патриоты уходили в партизанские отряды, группами и в одиночку действовали в глухой подполье, саботажники же устраивали мероприятия немецкого командования. В плавнях и камышах собирались отряды юных мстителей. Они навязывали на немцев и безжалостно расстреливали их. В городах всё чаще стали появляться антифашистские листовки, портились линии связи и даже исчезла ко-жесть из особенно свирепых гестаповцев.

Комсомолец из Будиновского Сергей Хантас поступил работать на завод, ушёл под откос немецкой поезда и скрывался. Шестнадцатилетний ученик ставропольской школы № 7 Геннадий Голенин вывел из строя десанта немецких автомашин и гранатой убил офицера.

Немцы хватали заводских юношей и девушек, бросали их в застенки гестапо и расстреливали. Но всё было напрасно. Молодёжь продолжала борьбу с оккупантами.

Ставропольскую комсомолку Женя Будиновская и Вера Пугарёва, задержав ушли на оккупированную территорию, были задержаны у самой линии фронта. Их привезли в город. Крововому следству, следователю Шульцу, охоты хохотало, а следователю изгубить. Ему казалось, что он дерётся в руках конц-той инги, которая поможет ему распутать клубок многих тайнственных событий в этом призрачном, враждебном немцам городе. Шульцу не удалось вырвать у них ни одного слова.

На окраине Ставрополя жила другая девушка — Нэля Белявская, полурота замученных, их оклеветанных. Она знала всё. Она получила справку с секретными немецкими документами и тоже собралась уйти через фронт, в Красную Армию или в партизанам. О ней в гестапо не знали. Но знали до тех пор, пока одежде не попали на её спящую и не схватили.

Нале выламывали руки и жгли волосы. Жгли и тушили, оявляя жгли и жгли тушили. Более месяца длился допрос, сменялся пыткой, одна другой страшнее. Ничего не сказала Нэля. Ничь обречена.

Обезображенный труп Нале мыть намал после прихода советских войск в лесу, в одной из тринадцати огромных ям, наполненных телами расстрелянных и замучен-

ных людей. Эти массовые казни немцы совершали за несколько дней до своего отступления.

Молодые патриоты Ставрополя теперь хорошо знают, что немцы, эти злобные и коварные враги, не вытеснили всегда в одном и том же обличии, что они хитры извораживаются, перекрывались и меняли маски. Знают и ненавидят немцев ещё больше.

2. ПАРТИЗАНКА АНЯ

В крайкоме комсомола висит её большой портрет. Художник-самоучка нарисовала его, как умела, по старой, вышедшей фотора-

ЮЖНЕЕ ОЗЕРА ИЛЬМЕНЬ Ю. Левитанский

*Среди лесов и диких бездорожий,
где только ветры змеиные поют,
или города становятся дороже
и ближе их асфальтовый уют
И мы грустим, когда нам вдруг
приснится*

*старинный дом у тополя в тени,
тревожный вечер, дальние зарницы,
в асфальте повторные осени.*

Над переулком терпкий запах лета.

Аллея лип в осеннем парке.

Внезапные московские рассветы

и ветер, пробежавший по реке.

Мы город своей покинули в шоне,

*и он остался в памяти таким,
как был тогда, умытый накануне*

полночным ливнем, звоном и туманом.

*Он в памяти хранится не старея,
под облака вздымая тучки...*

*Но бьют за лесом наши батареи,
порыба заматает блиндажи.*

Ты спишь. Наверно, за день

утомилась.

Но если ты ночью видишь сна,

мне хочется, чтоб в этот час

приснилась

тебе мол землдянка у сосны,

среди лесов и диких бездорожий,

где только ветры змеиные поют,

где города становятся дороже

и ближе их асфальтовый уют.

точке. То, что хорошо знала Аня и часто встречалась с ней, говорят: «Совсем не похожа; она была гораздо краше». Но они соглашались, что был у Ани именно такой откровенный, упрямый взгляд больших рёменных глаз. Взгляд запомнился надолго. Художник удаётся передать его.

...В отряд она пришла просто. Сожгла всё, что было нужно сжечь. Закрыла райком и пришла. Командир отряда товарищ Иван ничего не сказал, посмотрел ей прямо в глаза и понял: не уйдёт. И послаа получить оружие.

В конном строев с конником и наганом, выступила секретреш Советского райкома

комсомла Аня Шанина в долгий партизанский поход. С тревожной и суровой жизнью связала её судьба. Партизанские умельцы следили за верхом и заглянули в стрелком кружок. Сказалась алая кашка крови, наследие многих поколений буйных и безстрашных всадников.

До первого бою жила Аня неспокойно.

Нет, её нестрашно было в бескрайнем степном приволье. Словно дом родной — плавни и камыши. Теперь в дом этот ворвалась чужой, испрошенный гость — и надо было быть и гнать его. Казалось порой, что отряд бесцельно кружит по степи. Молчала девушка, только немного заплывшие рёменные глаза её стали ещё темнее и глядели ещё угрюмее и строже.

Но старый командир зная цену схваченным, в которых на три убитых немца приходилось один свой. Он замарилась жестокой удар. И когда на этого удара наступила и грузный, овальный от стрелы брызгой под нимком аниной шапки рухнула, расквашу руки, большое чувство охватило девушку: «Первый Начальство!»

С этим прищипкой спокоевато. И командир решил: удачно будет отряд, есть у него лупа — вот эта смуглая красная девушка, смелая, неуправляемая.

Полобился ей крепко партизан за храбрость и смелость в боях, за весёлый нрав и гордую красоту, за стрелю салою и задушевные бесны.

А какне это было веселье! Особенно те старинные боевые, в которых рассказывается о славе казачьей, о боевых походах, о чудесной дружбе воина с конём. Когда Аня не могла, — тогда гонимый грузный, смелый, — засадуивалась весь отряд. Прямой, короткой дорогой к сердцу шап несия — и словию сил в человеке прибывало.

А вокруг ложила родная степь. Родина отроду — курганы да высокие травы; нечужие степи, что жёлтая в этих краях пронесется, шумя, с востока на запад. Раньше, когда фронт был далеко, часто приходилось Ане возвращаться ночью из пологого стана к себе в райком. Чопь шла упрямными шагом, привьюно нахоля дорогу в темноте. Да и сама Аня так хорошо знала степь, что, казало, заерой она глыва, и то будут владья её все до одного бутра и балки, а сменяющиеся запах трав скажут, далеко ли ещё до станицы.

О детстве Ани многого не рассказывали; но было в нём решительно ничего выдуманного. Дочь терского казака из станицы Советской, она росла, как росли сотни других станичных ребят.

А вконец Аня только началась. Ведь она окончила среднюю школу в то самое лето, когда пришла война. Ещё в десятом классе Аня мечтала поступить в Небтайн институт. И война не поменяла бы, да вот старшая сестра, добровольно уходя в армию, попросила:

— Пороги, не оставляй пока мыт одну. Она у нас старенькая. Есая сразу обо уйдём, тяжело будет ей.

Проводела Аня стелах и осталась в родной станице. Скоро секретреш райкома получила повестку из военкомата. Процаясь с Аней, он сказал:

— Видно, придётся секретрешь быть тебе. Семнадцат лет — это, конечно, не возраст, но война сделала нас старше. И я и все ребята думаем, что справимся.

Аня избрана секретрешь райкома. Прощало совсем недавно, в прошлом году, а в колхозах уже моголетно, но такая серьёзная да упрямая.

Председатели колхозов её уважали, а некоторые даже побаивались. В бригадах Аня встречалась радостно. Знала: секретрешь тогда и пристрайты за неповабы так, что несуда

будет глаза девать, но зато и поможет исправить дело, а потом зарпосто станулет и сплёт с ними, с партиями и девушками, в час отдыха.

«Собираюсь на фронт Аня, но ещё не успею скопить хлеб, как фронт сам придёт в терские степи.

«Партизаны начали рейд по тылам врага. Глубокие, извилистые балки и густые заросли бурьянов скрывали их от вражеских дозоров.

Долго ловили немцы вездесущего, отважного разведчика, что доносил партизанам о каждом шаге карательных батальонов, но не могли поймать. Этим разведчиком была Аня. С группой бойцов с полудня Марией, одна она пробралась во вражеский лагерь и неизменно приносила сведения, которым не было цены.

«Ни одного дня не прожить без того, чтоб не нанесли вреда врагу» — было аниным законом. И ещё знала она один закон — выкупать товарища любой ценой любой ценой, любой ценой жизни своей, если надо будет.

Однажды ночью несколько партизанских отрядов, объединившись, переправились через реку Куму и окружили село Владимировку. А на рассвете по усильному выстрелу кинулись в атаку. Немцы в одном балке высказывали из окон. Но спасения не было. Храпящий конь настигла убежавшего, и немцы валялись на тротуару утренней изморозью зомля, разрубленной страшным сабельным ударом.

С партизаном пополнили быстро. Но вконец из крайней хаты ударила свиная струя: там засели офицеры.

Один партизанский командир оказался медведь двух ошей. Укрывшись за старым голубым трактором, он вёл работу, все патроны из нагана и остался безоружным. В эту минуту к трактору из партизанской сети, укрываясь в канавках и рвынках, пошла Аня Шамина. Немцы перенесли огонь на лужайку, но она, словно заколдованная, оставалась невредимой. Вот она уже доползла и протискивает командира гранаты. Он метнул одну, она — другую. Ни один немец не вышел из хаты.

Это случилось под солом Урожайник. Аня с группой бойцов ночью отправилась в разведку. Утро застало их у самой вражеской линии. Всё шло хорошо, как вдруг часовой увидал партизан. Разом заговорил автоматы и пулемёты, засветили мины.

«Держитесь, пока подойдут наши», — решила Аня, посылая пулю за пулей. Рядом упала раненый товарищ. Она быстро отдалась ему за бугор и продолжала стрелять. Немцы пошли на партизан немного, — усмехаясь огонь и двинулись вперёд. Надо было отходить в балку и держаться там. Мимо проползла товарищи, но Аня услышала, как следы застона ещё один боец. Но раздумывая, она бросилась к нему. А немцы были уже совсем близко, они окружали.

«Фрау партизи! Славней!» — кричала она.

Аня встретила их выстрелами из нагана. Вона упала один другой, ещё и ещё. Потом, бросив наган, она выхватила из-за пояса гранату и метнула в толпу набегавших врагов. «Скорее вступай!» Но победивший сбоек нечел ударила Аня штыком в грудь.

В это время подоспели партизаны. Бой был изостановлен, но противник. Немцы бежали. Отряд собрался у тела Аня. Она лежала, крепко стиснув в руку гранату. Аня её было сплоской. Широко открытые большие чёрные глаза пристально смотрели в развозвеще неба.

— Прощай, Аня,— тихо сказала комиссар и, не стелясь, товарищевой, утёр екнувую солдатскую слезу.

ПУЛЯ СТОЯНА

Народная сербская песня

Приходят к Стояну друзья-партизаны:
«Ты пули отди поскерй, хитроумный,
У медного горня, у чёрного горня
Отлей нам суровые, тяжкие пули».

Стоян чернобровый наусилился строго:
«Скажу вам по правде: кузнец я
умелый,
Да нет у меня ни свинца, ни железа,
Ни стали, ни бронзы, ни меди
старинной.

Из дерева пули отливать невозможно,
Из кости не выточить меткую пулю.
Скорее давайте, друзья-партизаны,
Тяжёлые, звонкие груды металла».

И клянуца клин побратимы-юнаки:
«Пивце, девицы, я дети, и старцы,
Идите металла для пули Стояна,
Несто безоружные мы, партизаны».

Что адру устремилось к жилищу
Стояна:
Источники ль это бегут по левамдам
Иль ветер стучится в стоинову хату?
Нет! Высокли с гора в горах
водопадам,

Лавины упали на головы немцы,
А ветер и вост, и стоиет, и плачет
Над Сербией, немцами разорёной.
То люди подходят к жилищу Стояна,
Бегут по тропинкам, но скалами
вазгорям.

С Моравы идут, с Голубиной вершины,
Несут и свинец, и сталь, и железо,
В дубовые дщери к юнаку егучачат.

И молвит негромко старик поседель:
«Мы слышали, мастер, кузнец
хитроумный,
Что нет в твоей кузнице металла».

Он вожель отлить ты горячие пули,
Тяжёлые пули, как ненависть наша.

Возьми же мои стариковские слёзы,
Стоетье я прожил, не плакал ни разу,
И только, как в Сербии немцы

вломлялись,
На дземлю свиновью слёзы упали».

И внял из сухой стариковской ладони
Стоян хитроумный свиновью слёзы.

К юнаку ребёнко-калека подходит,
И плачет, и шепчет:
«Стоян хитроумный,
Пока не пришли к нам проклятые
немцы.

Наш дом запыла под крутою горою,
И мама родная в огне закричала,
Как страшно, как страшно она
закричала!

Я кинулся к дому, к родимой на
помощь,
Схватил я с водою студёной ведёрко,
Но немец отсек мне правую руку,
Которая это ведёрко держала.

И кровь полилась на дземлю сырую,
Возьми эту кровь, она меди подобна.
Отлей ты из крови меткую пулю».

И внял эту кровь Стоян хитроумный,
И Стояну юнак чернобровый подошёл.
И молвит он мастеру молодому:
«Стоян хитроумный, принеси тебе ныне
Сыруу и черную русскую землю!
В ней мужество братьев родимых

тантися,
В ней тайная сила, здоровая сила,
Следами обмыта, и дымом обжита,
И полита кровью дземлица сырая.
Но если на этой дземли драгоцени,
В которой зёрно созревает победы,
Ты сташель лить пули, горячие пули,
То знай, что они поразят супостата».

И внял эту дземлю Стоян хитроумный,
Смешал её с кровью ребёнко-калека,
С горючей слезою старельного старца,
С металлом, дарёным родимым народом.
И вляма на горне ето запылало,
И вдыблился, плавая на горне,
металлы.

И метные пули, как ненависть наша,
Юнакам вручает Стоян хитроумный
И молвит юнакам:
«Возьмите же пули,
Они поразят супостатов на месте.
И метки они, словно вояр нашей земли,
В них кровь, и слеза, и дземля наших
братьев,

В которой святая победа тантися».

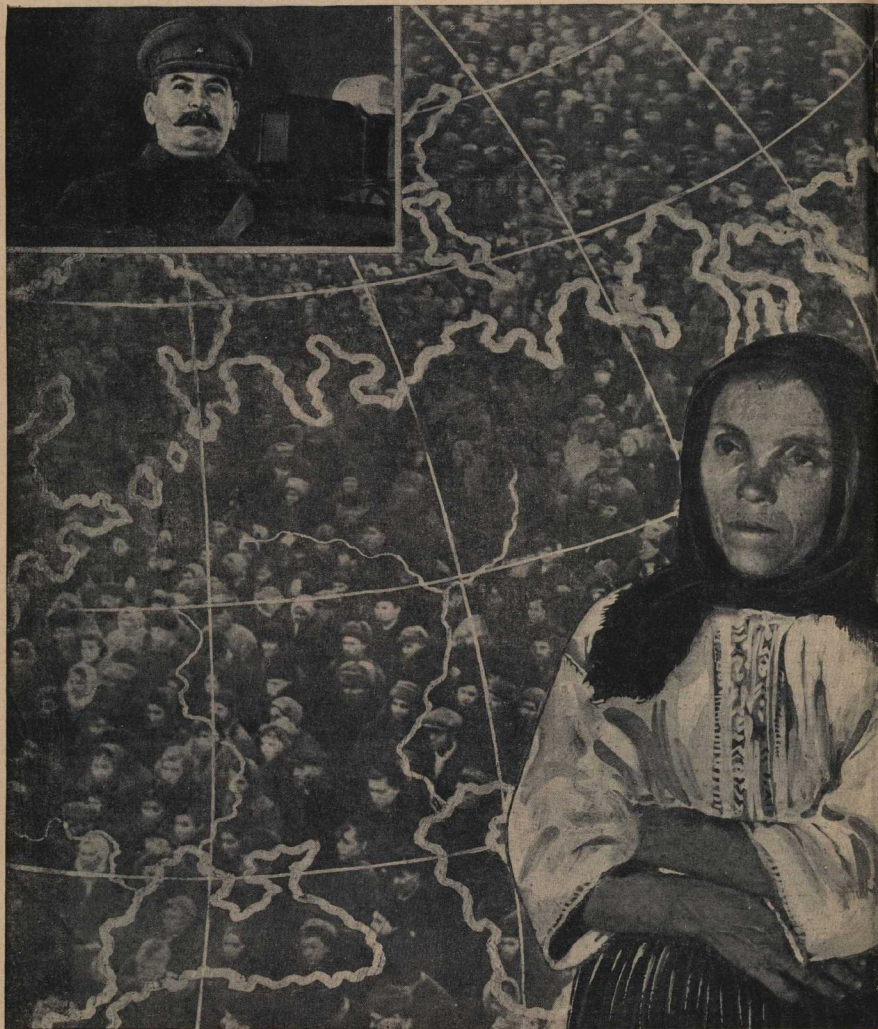
Перевела Надежда Белнивич

Шумят над могилкой Аня высокие пахучие
травы. Степные ветры, как всегда в этих
краях, гонят облака с востока на запад.

А совсем недалеко, в той же степи, спит
комсомолец Тали Ценок. С трагичной она бросилась
настречу немецкому танку. Ещё
дальше, над Арзгиром, затерялась могилка
Доры Карабут, тихой и смелой девушкой. Ра-
куну, её взгляд в плеч немца и пытался во-

ночь. Дора никого не вывала. На лугу, за
селом Архальско-Ским, похоронен комсомо-
лец Иван Зайцев. В Старовале ночью
друзья тайком унесли и похоронили поау-
оборевшего, пробитого штыком пулями тело
Евди Галашиной. Над ней могилами пока ещё
не стоят памятники. Но не забудут на
Старовале молодых героев, отставших
свою жизнь за родину. Их товарищи, про-
шедшие сквозь огонь войны, скажут сегодня:
— Они с нами. Без них нам не победить.

МЫ СЛУШАЛИ, МЫ

В словах вождя каждый из нас — и стар и млад — черпает великое в

ЧИТАЛИ СТАЛИНА

БЕЛЫЕ БОМБЫ

В нашу часть недавно приехали гости — белорусские партизаны. Один из них рассказал, что когда советские бомбардировщики ночью пролетают над тылом врага, молодёжь, женщины и дети с волнением смотрят на небо, запоминая путь самолёта. Утром они отправляются на поиски: не сброшены ли где-нибудь в лесу или в поле весточки с Большой земли?

И, если в найденной листовке напечатаны слова Сталина, счастьем нет предела.

— Вот в урочищах своего самолёта. Рядом заботливо перевязанные биневые пачки листовок с речью Сталина — белые бомбы, рязица немцев.

Пролетев передний край, вконец проплывают селения, города и деревни, захваченные врагом.

— Можешь сбросить, — говорит штурман.

Быстрый взмах ножа. Бичёвка разрывается. Раскрывается люк — и белые листки впером рассыпаются по ветру.

Радость наполняет сердца, радость, которую у уже испытывал, когда наш экипаж бомбил противника под Сталинградом, на Ленинградском фронте, в Дании, в Кёнигсберге, Варшаве.

Ведь каждое слово сталинского правды — это удар по врагу.

Стрелок-радист,
комсомолец Павел Назарный

ВРЕТЕ, НЕМЦЫ,—ЖИЗНЬ МОСКВА!

В селе Прелюбы, на Черниговщине, немецкий лейтенант, командир карательного отряда, согнел на площадь женщин, стариков и подростков, кричал:

— Ты, рус, понима! Москва ислут!..

Люди недоуменно переглядывались: «Нужно всему конец!» Женщины плакали.

Это было 6 ноября 1941 года. К вечеру партизаном с величайшими трудностями удалось доставить радиограммёнку. И мы слушали доклад товарища Сталина на торжественном заседании Московского совета.

Всю ночь шла работа. Пятидесяти буневыми партизаном от руки переписывали на листочки речёв войды. А под утом комсомольцы уже расклеивали в ближайших деревнях и селах.

Тут же населению было сообщено о предстоящей радиопрелече с Красной площадью.

Радиоприёмники был зловремени вблизи того места, где до войны собирались колхозники, съезжавшиеся на базар. Несмотря на то что немцы были колодобойку, народ повалил к репродуктору.

Слушали передачу, затана дыхана. Ни одна ваточка не шелохнулась под ногой.

Когда радио умолкло, всеми увлеканными копосежи дед Назар сказал:

— Врите, немцы, — жила наша Москва! Слышали, что говорит Сталин?

И все обоглачонно вздохнуи.

Командир украинского партизанского отряда

АЛЕКСАНДР Б.

Вера ИВЕР

НАС НАПРАВЛЯЕТ СТАЛИНА РУКА

В безмолвии мы слушали его.
Сигнал тревоги в середине фразы
Из тишины не вывел никого.
Над городом шёл бой. Потом
на базы

(Мы повали) вернулись встребки,
Но наши мысли были далеки.
Речь продолжалась. И такая
в ней
Уверенность была, такая сила,
Что эта ночь, которая гасила
Тревогами созвездия огней,
От сталинского голоса редела.

«Мы победим», — сказал он, —
наше дело
Есть дело правое... Был налгой
Овечьями воздух. Будто стая
Крылатых, красных с золотом
знамён

Над нами бушевала пролетая.
Казелось нам, что где-то высоко
Победный пурпур плещет
о древо.

И мы — десятки, тысячи людей —
В несторожйном мраке
Ленинграда,
Мы ощутили вдруг, что мы
города.

Мы сиял. Что сияние идей,
К которым мы приобщены,
Бессмертно.
Пусть ночь. Пускай ещё не видны
черт мы

Лица Победы. Но её венки
Лучи уже восходят перед нами,
Нас освияет ленинских знамя,
Нас направляет Сталина рука...

Книга И. В. Сталина «О Великой отечественной войне Советского Союза» вышла тиражом в 5 миллионов экземпляров.

У Михаила Васильевича Алексеева, начальника штаба югозападного фронта, сидит командующий 8-й армией Алексей Алексеевич Брусиллов. После короткого и ни к чему не приведшего разговора с командиром Николаем Ивановичем Алексеевичем решил напрямик выложить Алексею всё, что он думал о действиях Ивана. Он знал, что беседа эта для него не пригодит, что испорчит окончательно, как заявил ему командир, что Михаил Васильевич беседой чем-нибудь поможет на него на всё своё сочувствие. Но высказаться было необходимо.

У Алексеева светлая голова. В сущности, он сам великолепно во всём разбирается. То, что ему скажет Брусиллов, — для него не секрет. Показуй, он сам знает даже больше.

Алексей Алексеевич ступил, сидя за столом нацибата. В свете лампы под зеленым абажуром высокий лоб, вылезшие жгуты кажутся бескровными. Глаза пристально устремлены вперед, поверх лица слезы собеседника Алексея томят. Он молжно весь ушел в кресло, в тень, прикрыл рукой глаза от раздражающего света. Оба они — старые генералы — подполковники. Мысли, высказанные aloud, кажутся деловыми, не надуманными к делу. Слова бесслезно вытекают то, что предчувствуешь, как болельщик.

— В тысячный раз в себя спрашиваю: каково ощущение, когда застают Николая Ивановича укреплять наш левый фланг? И ответа найти не могу. Вы говорите, что не уверены в своих догадках. Иван отвечает, что всё ясно и спорить не о чем. Командующий правифронтной 3-й армией сообщает, что против его 10 го корпуса противник готовится к прорыву фронта. Резервов у Рако-Дмитриева нет. На его постоянные требования о пополнении вы отмахивались. 3-я армия обречена на неминуемый разгром.

Брусиллов замолкает. Молчит Алексеев, всё так же недвижимо уйдя в кресло и прикрыв глаза ладонью. Алексей Алексеевич поныкает, что он говорит зря, ломается в открывшую дверь, что сказать надо что-то другое, сокровенное, достучаться до сердца этого, в сущности, доброго, умного, простого русского человека. Но на язык падает сухие, как восточные камни, слова. Факты, хорошо известные. И глухая обала подкатывает к сердцу. Что же это такое? Неужели для старых, прошедших жизнь в одной упряжке человека, знающих свой человек и добрых его, не могут хоть раз в жизни поговорить по душам?

Алексеев опускает руку. Глаза его выматывают и остри, очень красивы от переломности. Но он не смыхал глаз всё это время, он не дремал, нет.

— Правый фланг нашего фронта оборужают и забьт вами, — жесткой настойчивостью снова поныкает Алексей Алексеевич, так настойчиво человек нажимает на большой зуб, чтобы, вымывавши сознательно, заглушить боль, перед которой он бесслезен. — Вы упорно укрепляете левый фланг 3-й армии, вы перескучили туда штаб 9-й армии. Вы слыли все войска, какие только можно было свить с других участков фронта, и направили на левый фланг. На левый фланг действует предельно сильная мой разгромившие 11-й корпус генерала Сахарова. По вашей инициативе я дал Сахарову приказ о наступлении, и вы выдвинули Захару, командира провизника за хребет.

Алексеев кивнул головой и озобонено поинял по столу руку, точно собираясь, что-то найти среди бумаг, лежащих перед ним. Но жест

«ТЫ НЕ ГРАЖДАНИН, ТЫ СЛУЖИВЫЙ»

Юрий Слёбкин

Рис. Н. Муратова

был непривольным, означал лишь то, что нацибата всё это уже сыпалось и наперед согласен со всем, что ему хотят доказать. Брусиллов продолжал:

— Никаких оснований для того, чтобы жалеть отсюда значительных масс противника, нет. К тому же вой боков румынская граница. Вы знаете прекрасно, что австрийцы не решатся её нарушить.

— Да, конечно, — подлакнул Алексеев как нечто давно решённое.

— Так что же тогда заставляло вас, — помыслил

— О, нет...
— Бездарность? — доприни-
вал Брусиллов.
— Нет... конечно...
— Упрямство? Нежелание
понять? Самостояние старости?

— Нет, нет... Нет...
— Так что же, наконец?
Алексеев поднимает глаза. Взгляды двух старых воинов, омытых воевательными, скрепящими. И в эти моменты доверия друг к другу Алексеев проносит мелодию, многозначительно, сурово:

— План.
Слова напряженного молчания. В глазах нацибата настойчивый вопрос: «Почему?» В глазах Брусиллова мучительная работа мысли.

— Какой план? — наконец спрашивает он, и то армейский доверительный тон, но вопрос не тот, не о том над спрашивать — Чей?

Но Алексей Алексеевич говорит спокойно и нежно. Ему уже не нужно услышать прямой ответ.

— Вы говорите: план. В бытность свою помощником командующего войсками Варшавского военного округа и озабочившись с планом возможной войны с Германией и Австро-Венгрией. План этот был строго оборонительный. Составлен неудачно. В настоятельной войне он не может быть применен. Обстановка диктует наступательные действия. Командованием и ним оказались неготовыми. В чём же тогда заключается новый план войны? — Ему не нужно было ответа. Он продолжал раздумывать. Его, конечно, нет. А если он существует, то, очевидно, является тайной даже для самого Верхоленко. — О каком же плане может быть речь?

Взгляды их снова скрепяются. Теперь в глазах нацибата таковой план не существует. «Я не скажу». В глазах Брусиллова: «Я заставляю тебя выслушать до конца».

В конечном счёте за свою армию уже тревожиться нечего, нам это ясно, — голос Алексея Алексеевича звучит доверительно-блуждающим, можно подумать, что тяжёлые мысли оставили его, вопрос разрешён. — Если я забуду речь о Рако-Дмитриева, то только потому, что считаю отношение к этому достойному военачальнику боевому генералу несправедливым. — и, внезапно вскочив с места с той лёгкостью, с какой он садился на коня, Брусиллов подошёл вплотную к нацибату. — Михаил Васильевич! Я вам верю. Мы с вами русские люди. Мы хлебнули всякого, нас трудно удивить поодольно. Но у нас не отнимешь любви и веры в Россию. Не так ли?

— Ну, конечно... Всё, что в моей власти...
— Сейчас не об этом речь, Михаил Васильевич, — строго останавливает его Брусиллов, — я никак не желаю отстоять Россию от врага. Это мы знаем оба. Но в силах ли мы будем отстоять её, если подчинимся предателю?

Можете брести, Васильевич, сошлись у переломном, лишь ствол каменным.

Командир не хочет этого замечать. Брусиллов спрашивает, его вопрос звучит утвердительно.

— Скажите, Михаил Васильевич, вы знаете, что Иванов — предатель?

Алексеев приподнимается, машет руками:

— Что вы? Что вы... Алексей Алексеевич! Бог меня защитит от таких вопросов.

— Так вот оно что... Ты, старый генерал, умница, безупречный человек... Ты не гражданин, ты служивый. Ты боишься начальства. Вот оно в чём дело... Как и этого не помню сразу! Случайно.

Со мной он тоже говорил как со служивым... Начальство в ответе — не я».

За минуту до этого напряжённого лица Брусиллова светилось. Но он говорит отуждающе:

— Ищите в виду, как командующий армией, и на всего этого сделают соответствующие выводы и приму меру!

голове Алексея Алексеевича, и голос этого самого его сумятица своей напряженности. — Что заставляло вас, — повторил он скрепящим, — приказать командору Деятову — Лещинскому — приостановить наступление Сахарова? Почему же слова и слова слышу на левый фланг, — Брусиллов указательным пальцем левой руки стучит по столу, — вы шлёте подкрепление? Почему, я вас спрашиваю, вы так упорны в своём заблуждении? Как смеете вы забывать о том, какая уграда повисла над вашими правыми флангом? — Брусиллов на этот раз прищёпнул всё ладонью правой руки по краю стола, зажёб пальцы, пошевелил ими и с неслыханным гвалтом закончил: — Вы резервисты, тяжёлой артиллерии на протяжении жизни вы двадцать летёте 10-й корпус армии Рако-Дмитриева растает в тоющую линию и ждёт. Чего, я вас спрашиваю?

— Но, — не отводя глаз от кружащегося дымка лианом, глухо проговорил Алексеев.

— Что вы знаете? — прерванный в своём разгоне, похлынул, выкрикнул Брусиллов, — Вы знаете, что Рако-Дмитриев обречён на разгром?

— Да, — всё так же глухо доносится до него отшат нацибата.

— Но тогда, — Брусиллов откидывается на спинку стула, — Что же это такое? Глушость?

Коротким движением Михаил Васильевич подматывает голову, чтобы уловить прохладку от его седым усам мастераю, и снова глаза его в старикае с чаем.

В обкоме комсомола мы разговаривали недолго.

Секретарь обкома сказал, что надо поехать на Борьбу с немцами всю молодежь. В Беларусь, что это очень трудно, потому что никакого опыта работы в подполье у нас нет. И главное, о чем и дождя помнить,—это осторожность.

Потом он крепко пожал мне на прощание руку, и я отправилась через линию фронта.

Ехала на машине и верхом, пробираясь тихонько по лесам, тропинкам и, наконец, добралась до большого села.

На одном из домов свезена надпись: «Районском». У окошка парель с выточенной. Он преградил мне дорогу:

— Документы!

Я показала удостоверение обкома.

Парень приваляло улыбаюсь:

— Милости просим! Райком недалеко, вон в той крайней хате.

В этом селе были партизанская власть и только что организованный райком комсомола.

Я пробыла в селе два дня, тогда шла с женщинами и стариками о положении на фронте, помогла комсомольцам составить библиотеку из школьных книг, учебников после хозяйкиных фанштов, а на третий день уже была в соседнем районе, в штабе партизанского отряда.

Меня мучило нетерпение, хотелось сейчас же, не откладывая ни на одну минуту, идти по деревням, но Иван Степанович, командир отряда, удержал меня:

— Во-первых, дожидаясь ночи, аварию, без прожитого у тебя не пишу: заблудись, да и страшно будет с немцами.

Я засмеялась—не из трусливости, мол.

Пошла с провожатим, комсомольцем-партизаном по имени Аркадий. И как только мы вступили в лес, поняла, что Иван Степанович был прав.

Мне казалось, что из-за каждого куста может выскочить немец и схватить нас. И шла в Аркадием, с опаской оглядываясь по сторонам, и терпела про себя имя и фамилию комсомольца, который и дождя была найдет. А через не надо было рымзакать остальных комсомольцев, собрать их—словом, сформировать организацию в деревне.

Но как же узнать адрес девушки?

Хелми мы с Аркадием по хатам, написать просим, разговоры ведем, стараюсь окольными путями узнать, где живет комсомольца. Одна женщина—у ней муж и два сына служат в Красной Армии—объяснила мне, где рымзакать мол Тана.

Стараясь никому не попадаться на глаза, я пробралась в талину хату. Аркадий остался на завалинке, будто бы покурить. На самом же деле он должен был предупредить меня, если покажутся немцы.

К вечеру все комсомольцы узнали, что пришла партизанка и

МОЕЙ

Записки Анастасии Ж., комсомольского работника в тылу врага.

хотел с ними побеседовать. Никому не говорю ни слова—ни матери, ни отцу, ни друзьям,—они поодиночке пришли в условленное место.

Начать собрание долго не удавалось. В комнате, как видно, сидела хозяйка хаты. Мы терпеливо дожидались, пока она куда-нибудь уйдет. Как ни в чем не бывало болтали о деревенских новостях, пели песни. Наконец, все ушло хозяйке надоело. Она встала и сказала:

— Ну, я к соседке пошла.

Мы плотно закрыли двери, окна. Аркадий тихо ушелся из угла.

Я быстро рассказала комсомольцам о том, что происходит в Советском Союзе, прочитала им по следнюю сводку Совинформбюро, первомайский приказ товарища Сталина. Молодежь слушала меня с огромным интересом. Ей бы, ведь враг усиленно распространял по району явные слухи, вроде того, например, что Москва на дачном-дачно в руках немцев.

Затем избрала секретаря комсомольской организации.

Так и провела первое комсомольское собрание в тылу врага, в деревне, находящейся только в трех километрах от немецкого гарнизона.

Возвращаясь в отряд поздно. Я шла возбужденная, довольная, полная новых впечатлений и уже больше не выдержала от порыва в кусты, от звука собственных шагов.

В этом районе я пробыла до 6 июня, организуя восемь подпольных комсомольских организаций в

деревнях и по одной организации в каждом партизанском отряде. Потом перебралась в другие районы.

Год, проведенный в тылу врага, был годом жизни на косяках, беспрестанных переездах и переездах. Я занималась очень опасными делами, рисковала пра мажешим неотложным шате поехать на расправу к немцам. И часто из трудного положения меня выручала поселение сест и деревень.

Как-то раз я отправилась в одну деревню. Делать пять километров шла вместе с партизанским отрядом, а путь—одна. Дорога была болотистая, шла сильный дождь. У меня и пальто, и туфли, и платье—хоть выжми.

Я получалась в одну из так:

— Обсушиться можно!

В хате было полным-полно женщин.

— Можю, — говорит, — заходи, покалудайся.

Ну, конечно, пошла всякие распросы: откуда и куда путь держишь? Я отвечаю: с линии фронта. Меня спрашивают, что там делается. Я говорю: шум укасилий и красивые башки и немцы бьют, не поная даже, кто кого, а пау я и дядяние в такую-то деревню, в такой-то колхоз. Вру, а сама незаметно присутствующая здесь комсомольке занискоюую, чтобы она вечером в одиннадцатый часела созвала комсомольское собрание.

Девушка ввела из комнаты, а меня какие-то две женщины в сформировали и шлепнули:

— Уходи ты, бога ради, скоро-

пись где-нибудь. Тут одна поалаа близ глаза с тебя не спускает. У ней муж с немцами заодно. Обя она из той деревни, что ты назвала. всех там знают, у кого племянники есть, у кого вест. Уходи, не сдерживай и тебе в нашем асудачкам.

Очень я была этим женщинам благодарна. Но всё-таки собрание не сорвала и переела его с немцами на утро.

Враг хитер, но комсомольцам хитрее. Они работают под самим носом у немцев. Держат связи с партизанами, доставляют им ценные сведения, разведка, распространяют советскую литературу, разбавляют гитлерскую брехню, вылавливают шпионов и предаются Комсомольцам в тылу—падежные помощники партизан.

В одну из деревень как-то раз являлась незваная женщина. Она подала к колодезнику и поела сгущенный разговору.

Беседовали о том, о сём, о деревенских делах, о немецких нравах, о погоде, спорили, как лучше шпалить выводить. Ближе всех к нежданной госте сделала девушка Вера, потому что первое правило наших комсомольцев—ни одного пришлого человека без внимания не оставлять.

Так вот. О Вере же укасилю, что эта женщина будто бы незначая обронила фразу, что не так страшен кот, как его мяукает, и что среди немцев есть хорошие люди и поэтому от них ни хлеба, ни птицы не следует брать. Так же невзначай, средь разговора, порубовала она и партизанские ушки.

— Мне бы партизанского командира повидать нужно. Не знаете ли, бочонки, где его найти?

Гостя зачисляла. Девушка пригласила её попить, а тем временем её подруга поехала в отряд и ночью являла в деревню партизана.

— Ты хотела к нам, — сказал один женщина.—Собраним, пошла.

Привидела рассудившая. Оказалось, что комсомольцы задержали немецкую шпионку.

В другой деревне, того же района, нахалился немецкий гарнизон. Французский разведчик—одомиктантский шпионек—большие охотники, и деревенские комсомольки быстро сумели выйти к нему в деревню. Вскоре партизанка была в деревне. Вскоре артынка в плену немцев, так зрост немецкие посты, в какие часы происходит смена караула. В одном отряде получила немало ценных сведений, и партизаны совершенно неожиданно напали на немцев. Это был довольно жаркий бой: францы потеряли сорок человек, а наша потеряла только двух человек.

В другом населенном пункте большую помощь военоволенным оказала подлая служавшая немецкой полиции Клава.

Разумеется, ни одна душа не половредела, из эта смелая девушка—комсомолька. Подруги даже возмывались ей, потому что она так глумилась с немцами и немцами. Ей самой это было тяжело, но зато в лагерь военоволенных поехали целыми занискоюи с

описанием того, как в случае побе-
ды пройти к партизанам, сведения
Информбюро или просто написан-
ные на клочке бумаги дружеские
слова.

В конце концов семца стала о-
чем-то догадываться. Я предло-
жила Клавье незаметно скрыться
из одного места.

— Нет, — решительно ответила
она. — Буду работать, пока есть
что-нибудь возможность.

Сейчас Клавя у партизан.
А был такой случай.

Однажды секретарь партизан-
ской организации деревни В. при-
нес в подарок комсомольцам ка-
кие-то страные деревенские.

— Что это? — спросили ребята.
Секретарь улыбнулся. Обмолкнул
деревенских в чернилах и положили
к бумаге.

Получился: «Фаншская брех-
ся», немецкая обложка.

— Понятно? — спросил secre-
тарь.

— Конечно, — ответили ком-
сомольцы.

Как только стемнело, задорная,
привычная, при каждом широ-
ком припаде к земле, комсомоль-
цы пробралась к зданиям
клуба, сельсовета, к амбарам, на
которых были расклеены фаншские
листовки, приказы, плакаты.

отправляется в дальнейшее путе-
шество, вовсе не подозревая, ка-
кой ценный груз несет в собору-
ванных руках. И когда в следующе-
й деревне, в какой-нибудь да-
те, товар снова вытряхивается
на стол, из алопузочного мешка
сыплется целый дождь советских
листовок.

Однажды райком ВЛКСМ в го-
роде, званом врагом, распропаган-
дировал среди молодежи обращение,
призывающее вредить немцам, кто
чем может. Было только два эк-
земпляра этого ружинского обра-
щения. Но они тайно перелазили
из рук в руки, и скоро о
нем узнала вся городская моло-
дежь.

Надо сказать, что в городе то-
гда стояло много автомашин, за
руль которых сидели мобилизо-
ванные немцами молодые русские
парни. Конечно, работали они, как
говорится, из-под палки. И вдруг
много шоферы промывли стран-
ную инициативу, они выражали
горячее желание сбить немских
начальников тополиком.

— Зима на носу, — говорил
парни. — Разрешите нам вам
пошлим парубкам. Слыхих сухих,
уй будьте уверены.

Низумевшие таким рвением, на-
чальники отпустили ребят, да-
встав на им часовых и строго-
настного наказания остерегались
партизан. Грузовики поочередно в

вагу и храбрость нашей молодё-
жи! Не крепче всего мы запоми-
наем подвиг трёх партизан, трёх
мужиков защитников одного бело-
русского городка, захваченного
немцами.

Их звали Вера, Аня и Наташа...
Была март. Приближалось 8-е
число. Однажды вечером сидели
девушки и с горячою востанова-
ли, как весело проводили они
рабочие Женский день.

— Ну что же — шепотом сказа-
ла Наташа, — давайте-ка устроим
и из этот раз себе праздник
и немцам веселье — взорвём их
коммуны нефтебазу.

— А взрывчатку где взять? —
грустно спросила Вера.

Наташа улыбнулась.

— И мину достану, и тол най-
дётся.

Она и раньше была связана с
партизанами, часто выдвигалась с
ними в лесу, куда ходила как буд-
то на работу. Из лесу с
величайшим предосторожностями
Наташа привнесла всё нужное для
взрыва и обучила своих партизан,
как обращаться с миной.

Дождавшись ночи потемнел.
Аня, Вера и Наташа по снегу
комсомолец к нефтебазе. Её окру-
жили три ряда колючей проволоки.
Девушки сняли сажи шубы,
набросили их на проволоку и пе-
релезли за ограду. Вдалеке пере-
мелькали немецкие часовые. Вре-
мя текло было незаметно. Парти-
заны быстро прикрепили мину к
одной из выстрел, разложили асфаль-
товые шашки, соединили провод
со взрывателем.

— Теперь обратно, — чуть слы-
шно комсомолец Наташа.

Им удалось благополучно мину-
вать часовых. Чуть дыша от ра-
дости и волнения, добрались до
подъезда наташиного дома, изло-
жившись, подошли к нефтеба-
зам. Тесно прижались друг к
другу, девушки уцепились у окна,
но свода газа с часовой стрельки.

Резно через три часа раздался
оглушительный взрыв.

* * *

Недавно я присутствовала на
соборании, где принимали в комсо-
мол одну деревенскую девушку.

Прежде чем дать ей рекомен-
дацию, товарищи тщательно про-
верили девушку, её стойкость и
преданность советской власти. Она
не раз ходила в разведку, работала
в штабе среди населения деревни
Информбюро. Но я всё же сошла
правильным ещё раз спросить её:
— Хорошо ли ты получаешь, ка-
кую ответственность берёшь на
себя, становишься комсомолкой? Ведь
если попадёшься фаншским, тебя
повесят.

Девушка ответила:

— Ну что же? Умру комсомол-
кой. А пока и хочу помогать парти-
занам до тех пор, пока милая
моя Белоруссия не будет свобод-
ной от немцев.

Так сказала вступившая в комсо-
мол девушка. Так написала в
письме к товарищу Сталину и де-
легатам проходившей у нас неза-
долго международной комсомольской
конференции. Так думает каждый
честный молодой белорус. И а
стремлении он черпает новые си-
лы для жестокой и упорной
борьбы.

МАК

Е. Шенелла

Степь — до крыла зари,
Ветер плывёт как дым.
Мак, словно крова, горит,
Шапку снимаю перед ним.

В скакание по рубящим
Русский лобок солдат, —
Может, давно уже,
Может быть, час назад.

Может быть, вместе с ним
Имя его урядит:
Савать орудиный дым
Трудно смотреть вперёд.

Может быть...
Но пока
К морю течёт река,
Может быть...

Но пока
Двинулась облака,
Полнится русский хлеб
Солцем и синевой,

Не позабудет степь
Вина своего.

В землю он зрел почти,
Да и остался так,
Степь, чтоб его почитать,
Ежиком к нему мак.

Там, где пробой брешь,
Ползает трунный чад,
Смерть. Но цветет стоишь,
Точно стоишь саван.

Я привнесу сюда
Всё, что на свете есть,
Пусть в берега вода
Грохот стучится здесь.

Частым пищенцем грозд
Собираю зрела здесь,
Зной соберу и дождь
С гонимых больших небес.

Трепетную траву
С милых полей страны,
Ежели дождю
Я до конца войну.

Степь — до крыла зари,
Ветер плывёт как дым.
Мак, словно крова, горит,
Шапку снимаю перед ним.

Славные рубящие
Пламямев завола,
Значит, будут жить
В сердце моего земли.

Партизаны мнируют железнодорожное полотно. Пройдёт час — и немцыици зыплют в воздух.

Наутро рассверливание фронты
срывали со стен заклепанные
немецкие плакаты, портреты Геб-
бельса и Гитлера. А следующей
ночью на их месте появились рас-
клепанные рукописи комсомольцев
свежие сведения Информбюро.

Комсомольцы взяли на себя за-
дачу о том, чтобы к населению
освобожденных фаншскими райо-
ном проинформировать о правде,
должностях немцев, о свободе
советской земли, о советской де-
мократии, о советской правде.

Эта работа так же нужна, так
же опасна, как и взрыв складов,
поруча поездов, снятие патрулей,
разрушение связи. И требует она
такой же храбрости, интуиции,
выдержки.

Вот врываются в деревню спеку-
лянтки из города. В её мешке
мыло, соль, синички.

Спекулянтку окружают женщи-
ны. Товар выкладывают на
стол, а комсомольцы уже тут как
тут. Она потихоньку отнесает
спекулянтку от её мешка, и она

лес, и, само собой разумеется, к
ним часовые были убиты, город
остался почти без машин, зато в
партизанам прибавил попов, очень
нужных им транспорт. А один мо-
лодой водитель даже по-лозился
захватить с собой двадцать вью-
жандов с патронами и на память
о себе оставил в гараже пять со-
вершенно выведенных из строя
машинок.

С тех пор как мы стали созда-
вать в тылу немцев первые на-
ши комсомольские организации,
прошёл год и комсомол Белору-
ссии стал большой силой. Взять
хотя бы такой пример: в доброй
половине наших партизанских от-
рядов командиры и начальники
штабов — комсомольцы; есть у нас
также отряды, как, например, от-
ряд тов. П., где почти все комсо-
мольцы награждены или пред-
ставлены к награде.

Многое я перевела с того
дня, как распустился с секретаря
обкома комсомола и перешла
лично фронту, — и люте немец-
кие зверства, и партизанскую от-

ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ

Николай чковский

Роман
Продолжение*

Рис. Е. Ракина

Павлук вышел из передней. На улице было темно и пусто. Ночное небо освещенного города, в дождь бешеных красных пятнах, арматура армоизогенных свисших — кругом шла бои. Едва Павлук, радостно сжимая в кулак своей правой фанери, вернется ушину и ступил на противоположную шпаль, замыка сирена.

Павлук остановился на нерешительности. Он с досадой подумал о том, что ему следовало бы заходить сейчас возле того дома, где ракетник пускает ракеты. Наверное он так заспался, что и Василия Степановича. Для того чтобы добраться до того дома, нужно обогнуть целый квартал. Побежать? Но уже тротот зониток зарастал и приближался, как пружин, и совсем это тротот слышно было угрожающе жужжанье моторов. Нет, бежать туда уже поздно.

И вдруг все озаарило крутом завывании, мерцании светом, таким знакомым Павлаку, таким освещенным, что трудно было не заметить. Ракета взлетела прямо над головою Павлука. Окуда?

— Так вот оно что! Ракетник пустил ракету с той же крыши, что всегда, но крыша эта находится, действительно, совсем рядом с крышею дома, где Павлук только что был и ожидал, как ракетка стреляла передняя ушину и аскала в парадную. Павлук через ступеньки, мчался он по лестнице наверх. Она с выбитыми стёклами не были завешены, и отсветы вспышек от зенитных орудий озаарили лестницу так ярко и чисто, что Павлук даже не вспомнил о своём фанерике. Добежав до площадки пятого этажа, Павлук в этом мигационном свете увидел Василия Степановича.

— Гуду на Василия Степановича была распахнута. Он был взволнован до крайности.

— Я видел! — закричал он Павлаку ещё издали. — Видел через это окно. Случайно вышел на площадку, лезший свет. Скорей, скорей! С вами вместе! Я помогу тебе... На чердак! Быть может, он спускается где-нибудь здесь!

Так бесшумно всоскакивал Василий Степанович, мчался вместе с Павлаком вверх по ступенькам, к чердаку, путаясь в полах своей длинной шубы. Низкая дверь чердака была раскрета, и он вырвал в неё, пригнув голову. Непроглядная тьма охватила их.

— Спрятч фанери, не зажигай! — прошептал он Павлаку. — Свет может выдать нас. Дай руку, я проведу тебя к околу.

— Да-то интересно! ударил бомба, пол канинух под ними, встеп клестуиц в я лицо, и они едва удержались на ногах.

— Это он зычал на город ракетой, — сказал Василий Степанович.

Ударила вторая бомба, немного подалось. Потом третья, четвёртая, совсем далеко. Василий Степанович тащил Павлука за руку к чердачному околу.

— Смотри, смотри! — говорил он Павлаку. — Где та крыша, про которую ты рассказывал? Огромное дачское здание было за окном, и ту крышу при свете зарева Павлук узнал сразу. Вот он, тут, за ушкою прозастоя двора, несколько справа. Вот её крутой скат, обрешеченный и дюору. Он весь лежит значительно ниже чердака того дома, где жилает Василий Степанович, только самый тресбев на одном уровне с чердачным окном. Как же перебраться отсюда туда или отсюда сюда? Нет, ракетчик прохидит не сюда тут.

Гуд зениток отхлмнул, заткал в отдалении, как огромная волна, дерекатившаяся через них. Василий Степанович держал Павлука за плечи и вскинул его голову в чердачное около.

Там никого нет.

— Не видишь? Ну, значит, меня позывает глаза. Скоро очка придется звать. Я тебя и сам иногда не вижу. Я ошибся. Это я тебя или что-то вроде... Я вот тут выстул привил за человека. Но мы его ещё выследим с тобой, мы с тобой его ещё поймем!

Через минуту Павлук снова сидел в комнате Василия Степановича. Зенитки смолкли, потрескивание шепка в пещуре, ласково сияла крокозячий огонёк на контилке, Эриа лежала с закрытыми глазами. Василий Степанович проверил фанери, которой было забито около его комнаты, но выслета ли после новой бомбежки. Но фанера была пела.

— Нет, нет, нет, сегодня ты никак не поймешь, — сказал Василий Степанович. — Уже поздно, ты будешь вечно спать. Ложись на этот диванчик, но, угу, покройся во мне пальто, а то к утру здесь будет холодно. А я пойду! Пойду к аптечке, через площадку, к больничному соседу. Пойду посмотрю, не спланик ли он испугался... Он очень боится бомбежек...

— Едва Василий Степанович вышел, Эриа открыла глаза.

— Ты давно пролегуешь? — спросил Павлук.

— Когда бомбили, — сказала Эриа.

— Ты больше не убегай от него, — сказал Павлук. — Ты глупости. Мне кажется, он хороший. Эриа молчала.

— Не убежишь?

— А ты будешь приходишь ко мне? — спросил Эриа.

— Буду. Не убежишь?

— Не знаю. Посмотрим...

— Он был доволен. И всё-таки ему никак почему-то казалось, что над ним подслушай. Но он гнал от себя это странное чувство.

Глава вторая ШТУРМОВКА

— Подъём! — сказал дневальный, заглянув в дверь, и ушёл.

Лейтенант Вадим Алексеев проснулся первым. Он сразу вскочил, надел в темноте рубашку, ушину и повернул колёсико своей зажигалки. Зажигалка у него была крошечная, редкостная, и он очень гордился ею. Он зажёг керосиновую лампу, стоявшую на столике, и её желтый свет озарил комнату.

Тогда уже открылся глаза. Алексеев достал из своего чемодана зеркальце в форме сердца, поставил его на столик и сел бритве. Бритве для него было делом сложным, потому что он оставил себе ушеские бачки, крохотные ушески под носом и худощавый ушескавал за ними. Он очень заботился о своей наружности.

— Вадим, посмотри, какая погода, — сказал старший лейтенант Костин.

Он лежал и курил, сипуха с груди одолаво, ушески и худощавый, с выстушающимися сквозь телушеский ключачники, Алексеев встал и, держа бритву в руке, слегка отодвинул кусок картона, которым затворяло ушескавал за ночь около.

— Темно, — сказал он. — Ничего не видно.

— Звёзды есть? — спросил Костин.

— Все напряженно ждали, что скажет Алексеев: от погоды зависело, как пройдет для них предстоящий день. Но Алексеев, склонив на бок голову, видел в темном стекле только своё длинное лицо с бачками, ушесками, с намыленным подбородком.

— Не видно звёзд, — сказал он и снова сел бритве.

— Не полетим сегодня, — тоскливо произнёс иладий лейтенант Вязя Челеков и покосился. Вязя Челеков был молодой и застенчив, и его круглые, почти детские лицо обладало способностью краснеть помыканию.

— Через около не разглядывай, — сказал лейтенант Карякин.

— Все уже съездили с кров и олевались. Кроме Рыбушкина. Рыбушкин провозматка летать.

— Рыбушкин, отчего ж ты не встанешь? — спросил Челеков злополоско. — Вставай, Ильяша.

И лицо его сразу стало красивым: он только сейчас вспомнил, что Рыбушкин отстранен от полётов.

— Рыбушкин сегодня вместе с Никритыным пелку топить, — сказал Карякин, пугаивая на себя мекоской комбинезон. — Гони вон, ребята. Рыбушкин повернулся лицом к стене. Карякин так же, как и Челеков, почувствовал, что от этого горюшка не следовало. Но не покосился.

Он был из некрасивых.

— Твоя машина сегодня готова? — спросил Костин Никритына.

— Да нет, куда там! — сказал Никритын, идельав поперек комбинезона пояс с пистолетом.

— Чего ж ты встал в такую рань? — Хочу на командный пункт содаться... Может быть, Вата что-нибудь издумает...

— Он не на командный пункт торосится! — сказал Алексеев. — Он санастет торосится.

После этих слов все замолчали, потому что все сразу вспомнили о девушке, которую вчера привез Никритын. Она лежала в санастет. Вчера вечером она так и не пришла в себя. Кроме Никритына, никто из них её не видел, но все уже знали о ней.

Он шестерёк вышел на крыльцо. Светать ещё не начинало. Морозило, но не сильно, дул слабый западный ветерок. Туман стоял во влажном воздухе. Звёзды были видны, но мерцали тускло, еле-еле.

В комбинезонах, ушатах и шлемках они казались неухоженными, как медведя. Гуськом шли они по пустынной деревенской улице, направляясь к столону.

Появлялись с домиком санастет. Все ждали, зайдёт Никритын в сапкитку или не зайдёт. Никритын зашёл.

— И я с тобой, Коля, — сказал Алексеев. — Хочу поглядеть на неё.

— И ушескавал на неё.

Поднявшись на крыльцо, Никритын и Алексеев словой веточкой тщательно очистили снег с ушата. В прёвёмом пакете за столом перелы маленькой керосиновой лампочкой сидели двое: военврач третьего ранга Липовцев и медсестринская сестра Нора. Военврачу Липовцеву было всего двадцать четыре года, и медицинский институт он окончил за неделю до войны. Несмотря на молодость он был почти совершенно зряч и считался очень учёным человеком. Увидев входящих лейтенант, он взглянул своему лицу чрезвычайно серьёзное выражение.

— Я видел... — закричал он Павлаку ещё издали...

* С. «Скандинав» № 9—10 и № 11—12.

— Ты! — сказал Карякин весело. — К полудню все разнесёт.

Были он человек бодрый, жизнерадостный и всегда предостерегал от лишних опасений.

Костин как старший по званию и должности сел в кабину рядом с шофером; остальные поехали в кузов. Ехали стоя, положив руки на плечи друг друга и опершись спиной о крышу кабины.

— Голосы! — вдруг крикнул Карякин.

Все разом присели и пригнули головы. Карякин захлопнул дверь кабины, которую поворачивалась вокруг оси всегда с успехом. При взлете на аэродром полноторника должна была пройти под шлагбаум, и лёгким приходилось набегать, чтобы не ударились. Но Карякин велел раздвинуть шлагбаум — за сотню метров до шлагбаума и, насладившись, глядел, с какой стремительностью все приседали. Сам он — при коротком своём росте — шлагбаума не боялся.

В долине командного пункта — «во дворец» — их встретили Рассохин и Ермаков. Рассохин был уже в шлеме, и все повалил, что вылет — Сашане. Уже есть? — сказал Рассохин. — Пойдём шестёркой. На штурмовку. Работу уже чиряют...

«Ювелирные работы» или штурмовкой на являлись в эскадрале называли штурмовку какою-нибудь очень маленького участка на каком-нибудь переломе края, в непосредственной близости от наземной войсковой части. Такая штурмовка пробивала в защитной стене дыры и точилась; нужно было не задерживать нацеливания, готовые к прыжку вперёд, к атаке. Дело это было рискованное, потому что приходилось спускаться очень низко, лезть насквозь зенитному огню.

Маленькие отряды летали на широком лезе Рассохина оклеивали голубыми. Он рассказывал, что немцы поставили батарею на лесостом бугре и бьют по дороге через озеро. Наши самолёты вылетают из бугор, но выжить немцев не удаётся. Приказано штурмовать бугор с воздуха.

— Вытащите карты, — сказал он. — Размотри-те «ва-ра».

Все вынули свои планшетки и вытаскали карты. Все, кроме Никитина.

— А вы чего же? — спросил его Рассохин.

— Моя машина не готова, товарищ капитан, — сказал Никитин.

— Пойдём на машине Рыбушкина. Ну, давай, давай!

Никитин мог бы сказать, что не хочет летать, но всё внутри у него дрожало от радости.

Вместя впрякнул колёшки снежной пыли, шесть самолётов, преваливаясь, выломали из рефуг в просторный ряд на диване, лёгкий, сидя в кабинках, отработаны моторы. Моторы ревели. Потом самолёты поехали к старту. Рядом с каждым самолётом шёл его техник, «козаны» машины, держав рукой правой за левое крыло. Ни старте построились олит.

Ракета на взлёт. Над белым полем аэродрома поше колесо дилового дыма. Техник выбыл вбок колодки из-под лыж машины Рассохина, и машина Рассохина развалилась вперёд. Никитин выскочил из кабины, распластавшись, поспея над лесом и затем криво свернул влево.

Никитин взлетел вторым. Он мчался по аэродрому, набирая скорость. Лес вращался перед ним прижимаясь, он уже видел каждую оплесь вале, Кавалось, он сейчас врежется в них — в эту группу, широколапые ёлки; но мгновение — и он уже над ними.

Рассохин делал широкий круг над аэродромом. Никитин пошёл по прямой, чтобы догнать его. Валетел Алексеев. Никитин пристроился к Рассохину справа, Алексеев — слева.

Они сделали второй круг, чтобы не дозвлететь и построиться заду Костин. Потом Рассохин пошёл ещё своего шестёрку к озеру.

Возвращившись над аэродромом лесной бугор с наблюдением остался полнее. Никитин не летал несколько дней и теперь с особой остротой испытывал то радостное, гуще, что привнесение в бесполое, которое всегда охватывало его в начале полёта. Рассохин не набирал высоты, вёл их сегодня низко, над самым лесом. Там они обычно ходили на штурмовку — бегать по земле, чтобы не заметили издали. Сверху самолёт, идущий над лесом, тоже почти не приметен, а сегодня им вовсе не хотелось показывать на глаза немцам; испробовали, воздушный бой задержал бы их, и штурмовка была бы сорвана.

Но сейчас, оглядываясь, он видел только самолёты своих товарищей. Ему, летящему вместе с ними, они казались неподвижными. Одновременно раскрылись над машиной, однокорпусные шлемы были на головах у летчиков, но Никитин без всякого труда узнавал каждого — по приметам, известным ему издавна. Кто-то, он даже не успел бы рассказать. Он слишком сжился со своим товарищами, слишком много с ними летал и узнавал каждого в воздухе по почти бездумным прищипываниям, по манере вести машину, по походке, как говорит, лёгкому, «по шперику».

Они вышли на озеро и пошли над водой. Кое-где уже ерши летели и дымилась пылью. Приближаясь к Никитину, они вылетали на чёрным круглым туманом по льду; сюда падали немецкие снаряды. Да ещё по маленьким кучкам людей в белых халатах — три-четыре человека, — разбросанных там, где что-то слышно. Этих людей немцы не охраняли. Никитин подумал о том, как холодно этим людям стоять далеко от берегов, на ровном льду, где негде укрыться от ветра.

Как изменилась дорога со вчерашнего дня, когда он проехал по ней на мотоцикле! За ночь её расчистили от снега. Грузовики шли в оба конца беспрерывным потоком к городу с шипками, с мешками из города — до моря.

Самолёты поехали к южному берегу озера, пересекли береговую черту, замёрзший Ладожский канал и пошёл низко над лесом. Лезь было доловой, болотистой — осинник, ольшаник, — и сквозь голые трубы штурва можно было разглядеть то заспанному снегом красноярскому землянку, то башня в тулуне, гладкошерстную вверху, то трамвай, то ряды трамвайных колод, то походящую кучку, выкрашенную в белый цвет. В эту редкую, болотистую поросль акклиматизация длинных банок своего леса, похуже штурва, там, под этим банком, разглядеть было невозможно. В одном месте бахатый полост этот несколько выдвинулся кверху, и Никитин догадался, что это трамвай, но разглядеть не успел. Он своих картах отметил в квадрате «4».

Рассохин внезапно вырвался вперёд и круто пошёл влево, в небо, встальные самолёты вылетели из него толпой широкого круга, в стороне от холма, чтобы их не заметили. Самолёт Рассохина лез всё выше над самым холмом, оставаясь за собой в морозном воздухе тонкий белый след. Он сошёл потонул вниз, но в воздухе при солнечном свете перекрещивающиеся штыри транспирных шпел. Облака зенитных разрывов, сразу по три, возманили впереди него, то сзади. Как раз этого Рассохин и добивался. Он хотел узнать, где расположены зенитные пулемёты и зенитные батареи немцев.

Самолёт Рассохина, уменьшаясь в машине, блеснул на солнце. Когда пулемётные стволы над разрывы снарядов слишком приближались к нему, он внезапно делал прыжок в сторону. Но не ухитрился. Можно было подумать, что он растерялся и бессмысленно метается на одном месте от страха. Пройдя он свалился вниз, переворачиваясь, и тогда казалось, что он падает, падает. Но, переворачиваясь, он снова выпрямился и сошёл на лес.

Всё это продолжалось минуты три, не больше. Как бы выскуча игрой, Рассохин вдруг пошёл, не обрывая никакого внимания на пулемётные стволы, прямо от холма, вниз, к самым верхушкам холма.

Немцы потеряли его из виду. Он вернулся к своей эскадрале и пошёл её на штурмовку.

Они неслись над самыми верхушками леса. Никитин делал широкий круг, вылетая из лесов, выходящих, походящих по снегу к холму, перекрещивающихся пулемётов. Они готовились после штурмовки пойти в атаку. Холм приближался, стремительно.

Они низко пролетали над холмом и прочесали его огнём своих пулемётов от края до края. Немцы не ожидали этого, и ни один выстрел не раздался в ответ. Между тем в лесу встали Никитин, Алексеев, Ермаков, трамвай и солдат, стоявших в строю на снегу. Когда он, нажав на гашетку, прошёл над солдатами, они повалились, как кегли. Наконец, зенитный снаряд упал в стороне от холма. Но холм был уже позади.

Так кончился первый заход. Теперь уже походящие заходы они делали сверху, с широкого холма. Второе колесо на штурмовку было круче, чем в первом. Один из других извернулся от высоты между струями транспирных

В комбинациях, деталях и шлемах они казались маркулами, как медведи...

Нора — стоящая Нора, как её называли, потому что она была оленьим шестом, лезть теперь, когда все поехали, — а стала и от возмения грузно затолкала ногами. Особенно возмания её приход, Алексеева: в Алексеева она была вырвана — и все это знала. Девушка она была молодая и невоспитанная в чувства свои выражала только тошнотой.

— Ну как? — спросил Никитин. — Опущусь?

— Спят, — строго сказал Липовцев, и подвёс палец к губам в знак того, что нужно говорить тихо.

— Завяг, опущусь? — спросил Никитин.

— Опущусь. Почью стопахла. Небо как будто. Отморозили ноги. И заложил её повязка с кефирной формальной мазью.

— А ноги удеваешь?

— Если не будет жарения. Дело не в обморожении. Обильно истощение. Слабая сопротивляемость организма. Под утро она заснула. Не шумно её будить.

— Я хочу посмотреть на неё, — вдруг сказал Алексеев. — Только взглянуть. Можно, доктор?

И, не дожидаясь ответа, он шагнул к двери, которая вела в соседнюю комнату, называвшуюся палатой.

Толстая Нора грозно переступила с ноги на ногу: любознательность Алексеева к обмороженной девушке не нравилась ей. Доктор Липовцев кивнул в сторону, чтобы прервать Алексееву дорогу, но было уже поздно. Алексеев приоткрыл дверь, навалив на неё плечом.

— Хорошо, хорошо, я вам её покажу, — сказала Липовцев, уступая. — Только тихо, совсем тихо. Дайте мне пройти вперед.

Он схватил со стола лампу, и они на цыпочках вошли в палату — увидели маленький шик Липовцев в халате, с лампой в руке, за ним Алексеев, за Алексеевым Никитин, а сзади толстая Нора.

Две койки стояли в комнате. Одна была пустая, а на другой лежала, слегка приоткрыт рот, девушка, наваленная на лад. Светлые спутанные волосы лежали в беспорядке лежали на подушке. У неё были широко расставленные глаза, довольно широкие скулы, худенькое личико с прозрачной кожей, с сияющими пятнами под нижними веками и на щеках.

Алексеев и Никитин молча смотрели на неё.

2

Когда они кончили завтракать, уже почти рассело. У крыльца столовой ей ждала полноторника, чтобы везти на аэродром. Небо как будто немного прояснилось, и было голубовато, но над землёй стоял туман. Утро было сомнительное. Какой будет день?

— В лучшем случае вроде вчерашнего, — сказал Костин.

РУССКАЯ НАТУРА

«Генерал Брусолов» Ниль Семьявиного—драма и в то же время поэма о любви к родине.

Эта драма посвящена талантлившему полководцу великой войны, союдастскому генералу, автору и руководителю знаменитого в истории войск Лужинского пролома, генералу царской армии, без колебания перешедшему на сторону народа в дни Великой Октябрьской революции.

В «Генерале Брусолове» для России нет отговорок не идеализирует её всю. Он ясно видит Россию талантливую, великодушную и мужественную народом и Россией царского самодержавия, боярской косности.

На упрек «добрейшего и смелейшего», но несоблюдяющего и к своему генералу Цуркова, в том, что Брусолов—де—человек не моего склада. Не русского склада», Брусолов даёт следующую отповедь: «А кто дал вам право отождествлять себя и русское, генерал? Я человек не вашего склада. Это верно. Вы—барин, а я—профессор. Вы как восемнадцатый, а мой, может быть, даже двадцатый первый!»

«И дело не только в том, что Брусолов—«профессор» и русский европеец: дело в его преданности народу. Брусолов связан народом как последствием положительной мудрости и правды. «Что за народ у нас! На такой народ нужно молиться! Не ценят мы себя. Нет, не ценят...»

Решая вопрос о ставшем потом знаменитом проломе, Брусолов возвращается не точными выкладками математики Каломбова, доказывающего, как дважды два четыре, что наступать нельзя, а мужской притчей ханжества Ковальца. Это была притча о том, что мы сильнее немцев, как старичок-сто-

рож, стерегуший свой сад, сильнее молодых парней, залезших в ворота своего яблока.

В радости Брусолов высказал ту мысль, которая в дни великого революционного размежевания сил привела его в стан большевиков,—мысль о решающем значении народной воли в совершении исторических событий:

«Что такое полководец? Это человек, который должен суметь открыть все шломы, тогда мы вырваться бурная река союдастского герцога! Это очень скромная роль. Я горжусь, конечно, что эту роль выполняю. Но Лужинский пролом—это дело русского народа, дело его отага!»

Противостояния Брусолову Лиделеру, Сельвинский с большой отчетливостью и истинно акрирует некой конфликт русских и немецкого. Это наиболее актуальная часть драмы, помещенная в наши дни, усиливает, в чем именно причастности гитлеровцы, начав войну против Советского Союза.

Разумеется, должно отождествлять здесь невозможно. Гитлеровцы причастны во многом, начиная с недооценки крепости союзнического строя, основанного на дружбе народов и подлинной демократии, и кончая разрушительной мощью советской артиллерии. Но одним из важнейших слагаемых, упущенных немцами, была неправильно понята агрессивная «русская натура». Вот её—то и раскрывает Лиделер в лице генерала Брусолова с таким блеском и полнотой.

В своём высказании истинный смысл Лиделерова поставил знак равенства между русской отсталостью и «русской натурой». Считая германский народ избранным, немцы не представляли себе психологию более богатой, натурой более творческой, чем германская.

Лиделер понимал, что врага необходимо знать. И он имел возможность сделать сведения о состоянии русской армии, о косности и бездарности высшего командования («русская отсталость»), о немецком засилье при дворе, даже в самой Ставке (Эриет), о плохом снабжении армии, о полном бессилии командующего фронтом Куропаткина. Как умный пол-

ководец, он прекрасно учитывал значение человеческой психологии в войне. И в то время, как генерал Брусолов вынашивал чужую свою программу, Лиделер в своей ставке старался разгадать психологию Брусолова.

Лиделер говорит своему адъютанту:

«...Представьте, Гусерль, что мы в 62 году... Вы доверялись, наконец, до войны, Гусерль! У вас положение. Оклад. Офицеры на побегушках... И ещё помните, что это я донес на вас в руки на за последние дни ваших, как скажете же мне, Гусерль, если вы не окончательно сошли с ума: Куропаткин

не выступил, Эриет не выступил, но вы выступили, выступите вы!» «Нет, мой генерал! Меня даже передёрнуло. Нет!»—воскликает «революционившийся» в русском полководце немецкий офицер. Он не знает, что тот, за кого он отвечает, доказавшая необходимость пролома, сказал: «Бог на войне—это раскил. Там где решится о победе, никогда нельзя ждать, пока станыть безуловно сильнее неприятеля. Надо думать».

Лиделеру считал, что лучше десять раз рискнуть жизнью, чем один раз репутацией, т. е. к карьеры.

Русский же человек никак не входит в немецкие рамки: «Я предан русскому народу, без всяких чужих и леги. Я люблю Россию! Я служу ей ради не самой Карьеры, личные интересы, а потому, интрига—это дело Брусолова, господа!»

И если в столкновении с Брусоловым Лиделер терпит поражение, то это происходит в значительной мере благодаря немалому высокомерию, помешавшему Лиделеру понять, что перед ним противник с психологией, неизмеримо более богатой и сложной, чем его собственной, перед ним—русская натура.

Лиделеру поздно осознаёт это:

«Я школил из мироуниверсального лобного, нормального человека в его положении, а здесь себе вопрос: к чему старую губку свою молодую губку? Ответ мог бы быть только один: ни к чему! Ни и упустил из виду, Гусерль!—русский. Русские—страшней народ».

Благодаря русскому—пот ладный штурм намелого Куропаткина. Потому русские всегда побеждали и будут побеждать всегда русских.

З. Кедрина

Мы вступили в населённый пункт С. Откуда только кто выбыл фашистка. Ста из них не успела отступит и склалась без боя. Тут, то там из домов вылетали францы с подбитыми вверх руками, жестики извлявая свою покорность.

Одного из пленных, немалого, коренастого ефрейтора с рыжими усами, похоронил лейтенант Головин. Я сидел рядом.

На все вопросы ефрейтор отвечал нехотя, оглядываясь, неслыхательности.

Выд он одет, не в пример другим фашистам, аккуратно, в хорошо пригнанную шинель, но одна погрешность в его одежде привлекла внимание Головина.

— Пуговица... Где ваша пуговица, ефрейтор?—спросил Головин.

Ефрейтор посмотрел на свою шинель, потрогал болтавшися досюток рука и ответил: сказал:— Потерял.

Из допроса выяснилось, что ефрейтор Карл Циглер, 42 лет, родом из Мены, был призван в первый год войны, побывал в частях, принадлежал Польше, Бельгии и Франции, и полгода зювет в России.

С русскими шутки плохи!—заявил он убежденно.

— Вы только теперь узнали это?—Да. Но мы ведь солдаты, мы делаем то, что нам приказано.

— Гольцо?—спросил лейтенант, окинув Циглера пристальным взглядом.

Вместо ответа немец вынул из бокового кармана шинели фотопластинку с таким видом, что это был официальный документ. На картонке был изображен сам ефрейтор, сидевший в глыбом деловом кресле, держа на коленях спи-

ПУГОВИЦА

Михаил Саюмовский

Рис. В. Богачкина

на—малышка лет пяти, рядом стояла немалого полная женщина, — очевидно, его жена.

— Это—моё семейство,—сказал ефрейтор, и голое его дрогнуло.—Узнаю ли я их?

Наступила пауза.

С усами пошмысались чьи-то сдержанные ридины.

—Посмотрите, кто там?—сказал мне Головин.

Я вышел из избы и направился в ту сторону,

откуда раздавался плач. У колоды стояла толпа жителей и красноармейцев.

—Что здесь такое?—спросил у знакомого бойца.

—Загнали туда,—тихо сказал он.

Я загнул в колоде и отступил: дно колоды было устлано телами. Одни из них, очевидно, уже погибли, другие ещё шевелились.

Красноармейцы приоткрыли шестину и верёвку; один боец скинул шинель и ступил на неё.

Я стоял у колоды, пока извлекали детские тела. Большинство детей было мертво, некоторые, оставшиеся в живых, потеряли рассудок: они громко кричали. В их крике не было ничего человеческого. Он до сих пор не стон в моих ушах.

Когда замученных детей начали уносить на носилках, из избы вышел лейтенант Головин, окочивший донос.

Молча взяв губы, он смотрел на детские трупы. Одни носили, на которых лежал мальчик лет шести—семь с изуродованным лицом, привлекло его внимание. Голова ребёнка поблела. Он наклонился к мальчику, поднял его руку, ссазившуюся с носилок.

И в ту минуту он увидел пуговицу, которую указал мальчик в руке. Лейтенант отшатнулся от носилок и вбежал в избы.

Я вошёл туда в то самое время, когда Головин прикладывая к шинели ефрейтора Циглера эту блестящую пуговицу с досюток усов.

Лицо немца стало багрово-красным, поблело, как снег, и он уже не мог поднять глаза на нас и только смотрел на пуговицу в руке лейтенанта.

И это был смертный приговор детубейнице, ефрейтору Карлу Циглеру, 42 лет, родом из Мены, заочинившему свой бесславный поход в Россию.

Зам. ответственного редактора—Ю. А. ЭШМАН.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А1559. Подписано к печати 15/IX—43 г.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 200.

Тел. Д 3-34-24.

Формат 21X30 см. 2 1/2 печ. л. № п. в. д. 98 000.

Вык. 1891. Тираж 20 000 экз.

Лит. № 640.

География газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г.

№ 15/IX—43 г

Милорадович говорит:

«ДАРИУ ВАМ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЮ КОЛОННУ»

Сподвижник Суворова, храбрый генерал Михаил Милорадович был любим своим солдатами. Во время сражения с французами у Красной горы в окрестностях, что Милорадович именишил.

— Ура! Подарю вам с днём впева нашего отча! — раздалось во всех полках.

— Благодарю за похваление, ребята! — откликнулся Милорадович. — И дарю вам ту неприятельскую колодну!

Солдаты приняли генеральский подарок: они ударили в штыки и французская колонна была разбита.

«Я Э ДЭСЬ ОБЕДАЮ»
Никто из генералов не дрался та французам, как Милорадович. В 1812 году маршалу Наполеону Милораду вздумалось под вы-

стрелами русских часовых пить кофе. Милорадович в это время искал за ними ਦੇ; пули сыпались со всех сторон, но это не помешало ему заметить удалуюто неаполитанского короля.

— Боже мой — ажрепал он — Что аго? Уж не хогет ли Милораду драться? Стои и приори! Он пьёт кофе. Я здесь обедаю!

«А ВОТ ТАК!»

Отважды войска, предводительствуемому генералом Милорадовичем, сблизился с неприятелем, пришли к большому оврагу. Многие говорили: «Как туда, спуститься!» Это услышал Милорадович.

— А вот так! — сказал он и тотчас лёг на спину и скатился в овраг. Солдаты с хохотом потянулись вслед за своим генералом. Собираясь в овраге, они кинулись на неприятеля и поразили его.

КРОССВОРД

Составил А. Шляхочкин

По вертикали: 1. Фигура высшего шилования. 2. Деталь спускового механизма ППШ. 4. Сильный холод. 5. Станция Юго-восточной ж. д., под которой наезжал сильный удар немешки войскам. 6. Русская художница. 10. Турецкий военачальник. 12. Военное звание. 13. Тейт, баба. 15. Мера земли. 16. Имя английского мореплавателя, в честь которого названа материк. 17. Отложение на дне водоемов. 18. Шестая южная параллель. 20. Род постройной войск. 22. Известный французский революционер. 23. Испанское оружие. 24. Героический киргизский эпос. 25. Клебко на животных. 30. Героическое речение. 32. Пыльчатый аппарат. 33. Татарское войско. 34. Пота, 35. Мера земли. 36. Команда при стрельбе. 38. Порода паука. 39. Фигура в танце. 40. Часть зина. 41. Столетие. 42. Совет. 44. Часть мотора. 48. Кушанка. 47. Растение. 49. Печка. 49. Архитектурное сооружение. 54. Оля на валовом электричестве. 56. Старинный шпатель. 57. Героический спорт войск. 58. Драгоценный камень. 59. Логический закон. По горизонтали: 3. Часть сочинения, составленная отдельной главой. 5. Известный советский шахматист. 6. Местоположение вост. Говорки лесов. 7. Союзники всех судов Голландии. 8. Певения славян. 14. Герой Отечественной войны 1812 года. 18. Спортивный термин. 21. Боевая дисциплина в Древнем Египте. 22. Современное оружие. 26. Товарищ. 27. Река в Европе. 28. Алмазный горючий. 29. Известный французский архитектор. 31. Первоздкий съезд воиновобластных. 34. Героическое сошествие величии. 35. Река в Италии. 37. Египетское божество. 39. Аппарат для травления кожи. 43. Лиственный дерево. 45. Политическое провозглашение. 47. Быстрое навание. 50. Копчик в старой артиллерии. 51. Начальное несогласие. 52. Начальное реки. 53. Невский начальник в Обвинении. 55. Порт в Абхазии. 56. Море. 57. Составная часть. 59. Нейтральное подражание. 60. Часть судна. 61. Нарыв в Центральной Азии.

Ответ на кроссворд криптограммы, помещенную в «Сигне» № 11.

Не даётся тем победа, кто от клатам отступил.

Шота Руставели.

НА ВОЙНЕ

МУШТРОВКА

Мы муштровали однажды сильно укрепленный опорный пункт немцев.

Наш наблюдатель, гардин сержант Георгий Рябов, заметил, что во время минометной стрельбы немцы, как крысы, забывают в свои норы и отбегиваются там до тех пор, пока не прекратится стрельба.

— Давайте вымучим их, — предложил командир подразделения.

К делу приступили тотчас же. Гардин сержант Рябов, пробравшись поближе к переднему краю, пустил одну за другой две ракеты, и вслед за этим минометная батарея гардина лейтенанта Широкора дал дружной залп.

Так было проделано пять раз. Немцы привыкли к тому, что после сигнала ракетами следует минометный залп, и поэтому заблаговременно стали прятаться в укрытия. Этим и воспользовался командир роты лейтенант Варин, который в момент, когда немцы забирался в свои норы, незаметно забрался вместе с бойцами к переднему краю противника.

Войдя в свои норы, все участники боя побежали в укрытия, забравшись поближе в блиндажи. В тот же миг раздались ракеты. Минны разорвались на пятьдесят метров дальше обычно. Затем минометчики перенесли огонь еще на пятьдесят метров в глубину обороны противника. Лейтенант Варин подбил один бойцов в атаку.

Не ожидавшие такого оборота дела немцы оказались в заряде. Гардинцы застали их в тех местах, куда они прятались от наших мин.

Гардин старшина
В. БРУСЛАНОВ

ЛОВКИЙ СЕРЖАНТ

И ЗАВЕВАЛИСЬ ФРИЦЫ
Сержанту Тимошину с группой бойцов приказали очистить небольшую лесочку.

Тимошин переметом подполз к переднему краю немецкой обороны и, спрявавшись за кустами, стал наблюдать за фрицами. Немцы суетливо потарахивали руки — большие воды безостановки их выли.

Но вот среди деревьев мелькнула фигура с термосом. Все фрицы потонули в ней с кружками и котелками. Пока раздатчик раздавал пищу, Тимошину быстро влезли на ступеньки минометной бросился в кусты.

Через несколько минут немцы, очевидно, решив отомстить ловкому сержанту, бросились на его рубку. Но бойцы Тимошина встретили их дружным огнем своих автоматов; затем они бросились в атаку, заняв вражескую землюку и отбегли у врагов три пулемета.

Фронтиски А. САНЧУК

СИЦИЛИЯ — самый большой остров на Средиземном море. Хребты невысоких гор покрывают Сицилию, на востоке ее возвышается Этна — самый высокий вулкан Европы.

Извержения Этны известны с глубокой древности. 120. Конечно самым сильным считается извержение 1669 года, которое произошло в дни с поновым неслыханным площадью, превышающую 60 квадратных километров, сожгла и разрушила множество селений, часть города Катании.

Землетрясением 28 декабря 1908 года был разрушен город Мессина. Под развалинами погибло две трети 100-тысячного населения города. При этом совершенно изменился очертания Мессинского пролива. Пострадала не только самая Мессина и её окрестности, но исчезли в морской пучине находившиеся в Мессинском проливе каналы Сицилия и Харибда, известные всему миру по мифам древней Греции. Последнее землетрясение наблюдалось здесь в ноябре 1929 года и в марте 1940 года.

Как следствие многовековой вулканической деятельности Этны, на Сицилии образовались залежи серы, разработка которых дала до семидесяти процента всей добычи серы в Италии.

На серных рудниках фашистское правительство Италии разрешило детский труд. Обрученные, худые ребята несомненно вереницами тащили из глубоких котлов мешки с отколотой породой. За этот колоритный труд они получали около тридцати копеек в день.

Недаром по числу несчастных случаев, заболеваний, утрате здоровья и смертности Сицилия — вот красивый край на островах Италии — стала на первом месте.

Население Сицилии достигает четырех миллионов человек.

Почти вся земля на острове принадлежит крупным помещикам, которые славо с мелкими клочками в аренду на кабальных условиях. На острове съели ицилийцы и развалили итерговую и фрукты. Здесь растут сахарный тростник, рис, пшеница, и хлопчатник, апельсины, лимоны, виноград, финики.

Как и вои экономика Италии, сельскохозяйственные и минеральные ресурсы Сицилии были поставлены на службу германскому ассирийскому барьеру.

С 1935 года, готовясь к войне на Средиземном море, Италия укрепляла Сицилию и окружившая её острова, надеясь создать здесь неприступный барьер, который преградил бы английскому флоту путь из Гибралтара к Мальте и Александрии.

Однако фашисты просчитались. Под натиском мощного барьера влота, Сицилия превратилась в остров, ведущие в Италию.

«Багинет» — так называли в русской армии штык, введенный Петром Великим, — любимое оружие солдата.

Атакуя врага, русские обычно давали звал из ружья и затем немалой бросался в штык. Искусство владения «багинетом» всегда приносило русским победу.

Когда в битве под Полтавой решалась участь Северной войны, русская армия двинулась неслыханно легкой походом. Со злобой смотрел Карл XII на наступление пехоты, на

«...лишь поаков бастинцих, стройных, послушных, быстрых и спокойных, и ряд незыблемый штыков» (Пушкин).

Четыре шведских гвардейских батальона ударили на батальон Новгородского полка. Русские дрались отчаянно. Плак «штыковая работа». Виял тяжёлое положение своих солдат, Шер впереди второго батальона бросился на выручку новгородцев.

Стройно, с барабанным боем и криком «ура» на врагов ударили пехотинцы, и, как писала потом Пётр в рапортах, «...необходимые господа шведы скоро хребет показали... шведские войско ни единого потом не оставило, но без остатков от наших шпагами багинетами в левый колоде, и даже до обретающегося вблизи лесу наши и биты».

Так русские штыки сокрушили алушную военную силу тех лет — шведскую армию.

Но несмотря на грозную славу русского штыка прусский король Фридрих II один из лучших полководцев своего времени, решил всё же померяться силами с русскими.

Решительное сражение произошло под Куниеродцем в 1759 году.

Оборонные немецкие солдаты, выдрессированные как автоматы, мерным шагом, под звуки фашет, двинулись на русских. Фридрих II применил свой любимый маневр, неизменно приводивший к победе при сражениях и с французами, и с австрийцами. Прусские шаг на русских с фланга.

Но у порядочной части нет флангов и тыла, — говорил Суворов, — в везде фронт, откуда противник».

Русские солдаты ветреники немцев метким залповым огнём. Линия за линией двигались вперед пруссаки. Тогда солдаты многих русских взводов притворились мёртвыми и повалились на землю. Но ими гусиным шагом маршировали немецкие grenadiers. Враг думал: «Победа близка!» Но генерал Фуминген, увидевший в штыки на немцев. Пруссаки захлопотали, и в этот момент с тыла на них бросились со штыками мнимые мертвецы. Враг побежал.

Русские пехотинцы, работая штыками, уничтожили пруссаков. Ашперовский пехотный полк, особенно отличившийся в этом сражении, впоследствии получил право носить на голенищах сапог отвороты из красной кожи в память битвы, во время которой ноги солдат были до колен забрызганы немецкой кровью.

В последующих столкновениях с русскими немцы или бежали без оглядки от русского штыка или сдавались в плен.

В 1760 году русские знамена уже развевались в Берлине.

Суворов, начавший свою боевую деятельность во время войны с немцами, высоко ценил мужество и храбрость русских солдат, в также истощающую силу их штыкового удара.

В своей «Науке побеждать» великий русский полководец не раз подчеркивал необходимость правильного сочетания огня и удара: «Стреляй редко, да метко, штыком колом крепкой. Трое наскачет — одного заколот, другого застрели, третьему штыком карачуши... Много наскачет — откоши шаг, удар одного, колом другого, стреляй третьего, прицели четвертого, последнее — твои! В сражении карточь на голову — сойдем, бегу вперед, карточь алетт сверху головы. Тогда пушки — твои, люди — твои! Чем ближе к врагу, тем лучше. Храбрый вперед и жив; трусливый и назад убивают, как собаку: ему, если и жив останется, ни чести, ни места нет».

«Русский штык прорвался сквозь Алатырь», — сказала Зигельс о легендарном алатырском полке Суворова.

В 1805 году Наполеон блестящим маневром окружил австрий-

Багинет

Полковник М. Лешковский

скую армию в Ульме и заставил её капитулировать. Затем французские бросились на русские полки, посланные под командованием Вагратона и Милорадовича. 24 октября возле Амштатена отборные французские солдаты — грендиеры — ударили на русских. Огнет и нашла кося на камень. Полчас давила рукопашная схватка. От жестоких ударов гнались и ломались русские штыки, они по трубку вжодали во вражеские груди.

Русские солдаты вырывали у французоз ружья и били врага его же собственным оружием. Французы не выдержав ударов русского штыка и отступили. Застылые порохом дымом, оставши на поле битвы груды вражеских трупов, русская пехота вышла из этого сражения победительницей.

С тех пор французы как смерти боялись русского штыка. Герой войны 1812 года унтер-офицер Тихонов с наполеоновских солдатах отмыкался так: «Француз храбр. Под ядрами стоит короче, па карточь и ядра ифет смело, против кавалерии держится bravо, а в стрелках ему равного не слышь. А на штыки, нет, не боразы, и в колае он зря, не пошаймуе тычет тобу в руку и в ногу, а то бросит ружья и порочит с тобою вручюу схватиться. Храбро он, да жу очень нежен».

Если мы вспомним, что Суворов обучал своих солдат «быть смертельно вперед», наносить удар штыком в грудь или в живот, как говорится, наповал, то станет ясен этот страх противника перед русским штыком.

Торец нашей винтовки капитан Мосин сохранил при ней граненый штык. Меткий огонь и штык нашей трехлинейки взаимно помогают друг другу. Это почувствовали на своей шкуре немцы в первые же дни войны 1914 года.

24 августа, на рассвете, у местечка Орау в Восточной Пруссии, русский пятнадцатый корпус атаковал расположенную около германскую дивизию. Удар был неожиданным для немцев. Меткие русские пули и острые штыки нвелили среди врагов панику. Немцы бросались в бегство с такой быстротой, что утомленные переходом и боем наши полки не смогли догнать удаившихся. Всё поле было поделено убитыми и ранеными немцами. Впоследствии немецкий историк полковник Шедер писал об этом: «Мы не достигали целих войсковых частей».

Через несколько дней другим штыковым ударом частями того же корпуса у Валица была уничтожена 41-я германская дивизию.

Тысяча солдат и восемнадцать офицеров оставшихся в живых, спасли свою жизнь, бросив винтовки и подняв врагов ружья. Их взяли в плен. Паника после этого бою распространилась и на близкий германский тыл. Генерала Гилденбург пытались проникнуть в район бою, чтобы навести там порядок, но сделать это ему не удалось. Напротив мчался траншеями, слагившийся из солдат, полки пшки. «Русские идут!» — в ужасе кричали немцы.

Однажды две роты 142-го Звенигородского полкового полка ночью оторвались от своих частей. Четыре дня они пролежали без пищи, растерявшие в стычках с врагом все патроны и, двигавсь по ночам, выжили к позициям неприятеля. Внезапным штыковым ударом они обрушились на германцев, перекрыв до батальона противника. После этого русские солдаты под командой своих командиров рот — штаб-капитана Семечкина и подпоручика Симановича — вышли к своим.

В августе 1915 года немцы осаждали крепость Соосев. После упорной артиллерийской подготовки и голодной выны они пошли в наступление, предполагая, что никто им не оказал сопротивления. Тринадцатая рота 226-го Землянского пехотного полка, позаудушенная газам, с криками, грозным «ура» бросилась в штыки, в контратаку. «Атаки мертвых», как её называли потом немцы, привела врага в такое смущение, что все. Восемнадцатый ландыерный пехотный полк бросился назад, не приняв штыкового удара. Русские гнались за ним и прижали неприятельские солдат к проволоке, где их множество погибло.

Можно привести немало таких примеров, являющихся неотрицаемую силу штыка. Велик и теперь ужас врагов перед ним, главным нашим штыком, насмерть разнищим кажного, кто пришёл с мечом на русскую землю.

